

Александр Аввакумов

Пион не
ВЫХОДИТ на
СВЯЗЬ

16+

Александр Аввакумов

Пион не выходит на связь

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Аввакумов А. Л.

Пион не выходит на связь / А. Л. Аввакумов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Роман о первых месяцах Великой Отечественной войны. Отступление, окружение, предательство. Агентам немецкой разведки, действующим в городе Казани, поставлена первоочередная задача - уничтожение единственного оставшегося на незанятой немцами территории Советского Союза порохового завода, производящего заряды для легендарных "Катюш". Советские чекисты вступают в бой...

Пролог

Февраль 1941 года. Берлин.

Адмирал Канарис ехал в машине и внимательно всматривался в лица прохожих, которые шли по улицам города. Многие из них держали в руках зонты, пытаясь укрыться под ними от дождя, перемешанного со снегом. Заряд непогоды взял в плен этот огромный серый город еще вчера вечером и, похоже, не пытался снижать свою активность. Серые свинцовые облака, нависшие над Берлином, были очень схожи с внутренним состоянием адмирала. Сегодня утром он был принят фюрером. Встреча проходила в его берлинской ставке. Помимо фюрера, на совещании присутствовали: Кейтель, Геринг, Борман, Гиммлер и Геббельс. Адмирал подробно доложил им об окончательном формировании двух украинских батальонов «Нахтигаль» и «Роланд», общей численностью в 800 человек. Гитлер улыбался, чувствовалось, что у него отличное настроение. Вождь явно был доволен докладом адмирала, поэтому беспрестанно шутил и смеялся. Лишь один человек сидел с хмурым выражением лица и за все это время ни разу не улыбнулся.

Как вы хотите использовать эти батальоны в предстоящей войне с Советами? – поинтересовался у адмирала фюрер. – Мне докладывал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, что эти украинцы, в лице Степана Бандеры и Романа Шухевича, рассчитывают на провозглашение независимого государства Украина? Это правда, адмирал?

Гитлер улыбнулся своими тонкими губами и посмотрел на Генриха Гиммлера.

– Мой фюрер! – выдержав секундную паузу, произнес адмирал. – Как говорил пролетарский вождь Ленин, каждая нация имеет право на самоопределение и государственность. Это – давняя мечта украинских националистов, и они живут ею несколько последних десятков лет. Наше дело пообещать им государственность, пусть эта несбыточная мечта и поведет их в бой с большевиками.

Все заулыбались, и только рейхсфюрер СС Гиммлер продолжал, молча, слушать этого убеленного сединой человека. Каждый из них ненавидел друг друга, но это не мешало им улыбаться и делать все, чтобы скрыть свои тайные мысли. Канарис считал шефа СС выскочкой, который пробрался к власти по головам поверженного им Рема и его штурмовиков. Адмирал представлял военную разведку, которая являлась элитой вермахта, и поэтому ему было крайне неприятно услышать из уст Гитлера какие-то сомнения, высказанные со слов шефа СС. Адмирал хотел еще что-то добавить по этому вопросу, но, видя, что фюрер не готов его слушать, замолчал.

– Сейчас, адмирал, меня больше волнует другой и более важный вопрос, чем государственная независимость Украины. Вы и ваши люди должны предпринимать все, чтобы ослабить военную и политическую мощь СССР. Диверсии на крупных предприятиях и оборонных объектах должны стать повседневной и повсеместной работой ваших людей. Я хочу, чтобы земля горела под ногами русских еще до того, как первый немецкий солдат перейдет границу рейха и СССР. Вы поняли меня, адмирал? Я не только хочу, но и требую от вас, как от руководителя «Абвера», чтобы вы сделали это!

Фюрер выдержал паузу и снова посмотрел на Гиммлера. В этот раз рейхсфюрер улыбнулся ему. Все, кто находился в зале совещания, повернулись в сторону Гиммлера.

– Хорошо, мой фюрер! – чеканя каждое слово, произнес Канарис. – Я обещаю вам, что в самое ближайшее время вы услышите о наших победах. Я наводню всю эту страну своей агентурой и диверсантами.

– Буду надеяться, что ваши слова не разойдутся с действиями ваших людей. Вы знаете, адмирал, меня очень интересует новая русская военная разработка. Я имею в виду их реактивный миномет. Как мне докладывал на днях Гиммлер, порох к этим минам производит лишь один русский завод, который находится в Казани. Вы, слышали об этом? Я требую от вас и

ваших людей, чтобы вы уничтожили этот завод. И меня не интересуют подробности, как вы это сделаете. Вам понятен мой приказ?

Фюрер развернулся и направился к двери, около которой застыли два высоких эсэсовца. Тяжелая массивная дверь из дуба бесшумно раскрылась, и фигура фюрера исчезла в ее проеме. Собравшиеся на совещание руководители рейха стали медленно расходиться. Последним, кто покинул этот кабинет, был Канарис.

Адмирал не любил это время года, а если быть точнее, эту промозглую сырость, которая заставляла его кутаться в кожаный плащ, утепленный меховой подкладкой. Сейчас, глядя на потоки воды, которая бурлила около сточных колодцев, он невольно повел плечами. Сырость, словно тайный и хитрый враг, болезненно ударила по суставам ног.

«Только не хватало еще заболеть», – подумал он, укрывая колени шерстяным пледом, заботливо прихваченным его адъютантом. Он с отцовской благодарностью посмотрел на сидевшего, на переднем сиденье молодого белокурого офицера.

– Курт! – обратился он к адъютанту. – По приезде пригласите ко мне всех руководителей разведшкол, отделов и командира полка «Бранденбург-800».

Офицер вынул из кармана кителя записную книжку и записал поручение Канариса.

– Господин адмирал! Во сколько начало совещания и какова будет повестка? – поинтересовался он, обернувшись лицом к адмиралу, но тот промолчал. – Будут еще какие-то указания, господин адмирал?

Он служил у Канариса третий год и хорошо усвоил все его привычки. Молчание своего шефа он расценил не иначе, как то, что других дополнительных указаний не будет.

Машина медленно въехала в ворота замка и плавно остановилась около входной двери. Офицер выскочил из машины и открыл заднюю дверь черного «Опеля». Канарис вышел из машины и, взглянув на серое небо, из которого продолжала сочиться влага, направился к двери, которую услужливо открыл ему Курт.

Вечером в замке собралось около трех десятков офицеров. Они стояли кучками вокруг большого овального стола и о чем-то беседовали. Адмирал вошел неслышно. Увидев его, офицеры вытянулись по стойке смирно и выбросили правую руку в нацистском приветствии. Канарис поморщился. Все офицеры хорошо знали, что он не любил это приветствие. Адмирал, прошел через зал и сел в большое кожаное кресло. Окинув собравшихся офицеров острым, как лезвие ножа, взглядом, он кратко доложил о своей встрече с фюрером, о поставленных им перед разведкой задачах.

Затем Канарис отпустил офицеров. Когда они направились к двери, он попросил задержаться одного из них.

– Полковник Шенгарт, задержитесь на минутку.

Полковник направился обратно к столу. Оставшись с ним один на один в кабинете, адмирал подошел к окну и отодвинул плотную штору. Капли дождя по-прежнему монотонно стучали в стекло, разбиваясь на сотни мелких брызг. Полковник стоял, ожидая, когда руководитель немецкой военной разведки обернется в его сторону. Но Канарис стал говорить, не оборачиваясь к нему.

– Карл, мы знаем друг друга несколько десятков лет. Я верю тебе, как себе. Меня заставило обратиться к тебе лишь одно обстоятельство. Насколько я знаю, у тебя в Казани успешно действует твоя разведывательно-диверсионная группа.

– Да, мой адмирал, вы правы. Группа успешно действует уже более года.

– Это хорошо. Я приказываю тебе, Карл, уничтожить в Казани пороховой завод. Такой приказ я сегодня лично получил от фюрера. Чем быстрее ты выполнишь этот приказ, тем лучше.

Канарис замолчал, обернулся и посмотрел на своего старого и преданного друга.

– Мне не нужны твои обещания, – продолжил адмирал. – Я знаю, что ты сделаешь все, чтобы выполнить этот приказ. И еще, Карл, мне кажется, что у тебя работает человек Гиммлера. Похоже, он подкинул эту мысль фюреру.

– Я все понял. Если этот человек действительно существует, то я вычислю его и уничтожу.

Адмирал улыбнулся и протянул полковнику руку. Они пожали друг другу руки, как в старые добрые студенческие годы. Полковник развернулся и вышел из кабинета. Канарис снова повернулся к окну. Около освещенного выхода из замка он увидел полковника, который садился в автомашину.

«Только при встрече с друзьями юности ощущаешь неумолимый бег времени», – подумал он и задвинул штору.

*Выьем за тех, кто командовал ротами,
Кто замерзал на снегу...*

Часть первая

Начало мая 1941 года. Казань.

Тарасов свернул свои удочки и, достав из воды садок, посмотрел на пойманную им рыбу.

«На уху хватит», – подумал он и, представив себе, как удивится жена принесенной рыбе, невольно улыбнулся. Стараясь не шуметь, он не торопясь двинулся вдоль берега. Александр любил посидеть в утренние часы на берегу Казанки и половить окуньков и карасей. Сегодня ему не очень повезло. За три часа, проведенных на берегу реки, он так и не испытал чувство радости от рыбной поклевки, когда одна поклевка идет за другой. Несмотря на конец апреля, утро было солнечным и теплым. До железнодорожного моста через речку оставалось метров сто, когда его внимание привлекла группа мужчин, которые на небольшой лодке стояли около одного из пролетов железнодорожного моста.

«Странно. Что они там делают? – подумал он. – Разве они не знают, что нельзя причаливать к опорам моста? А может, мужчины не местные, ведь все живущие в Адмиралтейской Слободе и Игумново хорошо знают об этом. Надо будет предупредить, что их ожидают большие неприятности, если их заметят сотрудники охраны завода или путевой обходчик».

Он подошел ближе. Люди в лодке продолжали находиться под мостом, не обращая на него абсолютно никакого внимания. Присмотревшись, Тарасов заметил еще одного человека, которого он до этого не видел. Тот стоял на бетонном пролете и что-то укладывал у основания железной фермы, которая опиралась на пролет. Этот мужчина был одет в форму сотрудника НКВД.

«Может быть, какие-то военные учения? – первое, что пришло ему в голову, – Но почему все это проходит в отсутствие каких-либо наблюдателей? Нет, здесь что-то не так».

Александр укрылся в прибрежных кустах тальника и продолжил наблюдение. Он прошел финскую войну, на которой ему приходилось неоднократно наблюдать за саперами во время минирования ими мостов и дорог, и он мгновенно понял, что делают эти неизвестные люди в лодке. Мост, связывающий два берега Казанки, проходил в непосредственной близости от порохового завода, и удачный подрыв вагонов с продукцией завода мог не только полностью разрушить это инженерное сооружение, но и вызвать большую аварию на самом предприятии, вплоть до его взрыва. Тарасов закрыл на миг глаза и отчетливо представил последствия этого взрыва. Сомнений не было, перед ним были диверсанты.

«Что делать? – промелькнуло у него в голове. – Бежать в НКВД? Но это далеко, а вдруг они взорвут мост, пока он туда бежит?»

Он увидел, как в лодку по веревке спустился третий мужчина, что был в форме сотрудника НКВД. Лодка, отойдя от железнодорожного пролета, направилась к берегу.

«Нужно захватить кого-то из них, – решил он, рассматривая людей в лодке, – но как? Ведь у меня, кроме удочек, ничего нет. А вдруг они вооружены?»

Пока он рассуждал, лодка подошла к берегу и уткнулась носом в кусты. Двое мужчин выпрыгнули из лодки и посмотрели по сторонам. Они находились буквально в нескольких метрах от притаившегося в кустах Александра, поэтому он хорошо слышал, о чем говорят эти люди.

– Вот что, – произнес один из них, обращаясь к третьему, который до сих пор сидел в лодке и держал в руках весла. – Запомни, подорвешь мост, когда получишь конкретное время от «Учителя». Он сообщит тебе дату и время. Понял?

– Понял, Пион. Взорвать мост в указанную дату и время. А когда он мне сообщит?

Пион громко выругался матом.

– Как только, так сразу. Понял? Связи со мной не ищи, я сам найду тебя.

Мужчина кивнул и, оттолкнувшись веслом от берега, заработал веслами. Он греб умело и мощно, что говорило о том, что он достаточно опытный гребец. Лодка быстро исчезла за поворотом реки. Проводив его взглядом, мужчина поправил на себе форму работника НКВД и стал подниматься вверх по крутому склону берега. Вслед за ним стал подниматься и его напарник, держа в руках удочки.

Тарасов шел за мужчинами, делая вид, что просто возвращается с рыбалки. Он старался держаться на расстоянии и не попадать в их поле зрения. Неожиданно они разошлись в разные стороны.

«За кем идти? – размышлял он. – За тем, кто в форме, или за тем, что с удочками?»

Пока он размышлял, наблюдая издали за диверсантом в форме, из подворотни вышел мужчина с удочками, и они снова вместе продолжили свой путь.

«Похоже, тот, что с удочками, проверял наличие слежки за Пионом, умно придумали – почему-то подумал он. – Выходит, тот, что в форме, у них главный».

Они подошли к конечной остановке трамвая и стали о чем-то разговаривать. Наконец мужчины пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Один из них – Пион, направился в обратную сторону, а второй – в сторону улицы Большая. Недолго раздумывая, Александр пошел за тем, кто пошел на улицу Большую. Мужчина шел спокойно, не оглядываясь по сторонам, походка его была стремительной и уверенной. Он здоровался с попадавшими ему навстречу людьми, жал руки мужчинам, провожал взглядами женщин. Все это говорило о том, что он давно здесь живет и знает многих людей не только в лицо, но и по именам.

«Почему я его не знаю? – спросил Тарасов сам себя. – Ведь я практически знаю всех мужчин, живущих в Слободе. Он, наверняка, появился здесь, когда я был на финской войне».

Мужчина остановился около витрины магазина и стал рассматривать продукты, которые были выложены между стекол. Александр сразу же догадался, что мужчину мало интересовали товары и цены на них, он просто проверялся, ведь в отражении стекла, он хорошо видел практически всю улицу.

«Вот сволочь, – невольно подумал Тарасов, – выходит, боится, если проверяется. И сколько он будет крутиться по этим улицам?»

Мужчина, словно услышав его мысли, достал из кармана брюк металлический портсигар и, взяв из него папиросу, закурил. Посмотрев по сторонам, он остановил пробегающего мимо него мальчишку и что-то сказал ему. Пацан в ответ кивнул головой. Незнакомец расстегнул карман куртки и, достав оттуда сложенный листок бумаги, протянул его мальчишке. Тот взял

записку и стрелой помчался куда-то через Дудоровский садик. Мужчина, увидев лавочку около небольшого дома, присел на нее. Мальчишка вернулся через минуты три. Подойдя к мужчине, он, протянул ему записку и, получив от него мелочь на мороженое, побежал дальше. Мужчина прочитал содержимое записки и, смяв ее, бросил в урну. Затем он остановил легковую машину и, сев в нее, уехал.

Александр был не на шутку расстроен, так как не предполагал, что тот воспользуется автомашиной и вот так легко уйдет от него. Перекурив, он решил пойти в НКВД и рассказать им все, что видел. Он зашел к себе домой и, поставив удочки в угол чулана, начал переодеваться.

– Саша! Ты куда собрался? – поинтересовалась у него жена. – А как же завтрак?

– Извини, Наденька. Мне нужно кое-что сообщить работникам госбезопасности.

– О чем, Саша? – удивленно спросила она. – Что ты им хочешь сообщить? Не пугай меня, ради Бога. Ты что, не знаешь, что это за контора? Туда всегда двери открыты, а вот оттуда... – она не договорила и посмотрела на него так, словно навсегда просталась с ним. – Ты бы, Саша, о детях подумал. Что я с ними буду делать, если ты оттуда не вернешься?

– Ты что, Надежда? Наслушалась страшилок от людей? Ты хочешь сказать, что наш сосед Сашка Горшков тоже людоед? Ведь он работает в НКВД. Так что нечего меня хоронить раньше времени. Там хорошо знают, в отличие от нас с тобой, кто враг, а кто – нет.

Он вышел из дома и не торопясь направился в отдел милиции.

– Гражданин, вы к кому? – спросил его дежурный по отделу, с сержантскими треугольниками в петлицах.

Тарасов замялся. Ему не хотелось рассказывать этому сержанту о том, что он видел на берегу Казанки.

– Мне бы к начальнику. У меня к нему большое дело. Извините, но я не могу вам об этом рассказать.

Дежурный усмехнулся в свои пышные усы.

– Начальника сейчас нет на месте. Когда будет – неизвестно. Так что все можешь рассказать мне, а я ему передам, когда он вернется.

– А Горшков – здесь?

– Это который Горшков? Тот, что Александр Иванович? Здесь. Проходи, у него четвертый кабинет.

– Спасибо, – поблагодарил дежурного Тарасов и направился в самый конец коридора, где находился кабинет номер четыре.

– А, это ты, Саша? Что случилось? Что тебя привело в уголовный розыск? – с порога начал спрашивать Тарасова Горшков. – Ты что молчишь?

Александр сел на стул и посмотрел на своего соседа по дому. Он не знал, стоит ему говорить или нет. Несмотря на то, что Горшков работал в НКВД, он занимался раскрытием уголовных преступлений, а здесь вопрос стоял о возможной диверсии, и этот вопрос не входил в компетенцию служебной деятельности соседа. Тарасов замялся, а затем, немного подумав, произнес:

– Ты, извини меня, Иваныч, но я, наверное, поступил не совсем правильно, что пришел к тебе в уголовный розыск. Но раз пришел, деваться некуда. Слушай, Саша, что я тебе сейчас расскажу.

Он рассказывал долго, отвечая на все вопросы оперативника. Александр сразу заметил, что у Горшкова, по мере его рассказа, куда-то девалась с лица приветливая улыбка.

– Саша! Кто еще об этом знает? Ты больше никому не рассказывал об этих людях?

– Нет. Я сразу переоделся и побежал сюда.

Горшков замолчал. Затянувшись папиросным дымом, он задумался. Его рука потянулась к телефонной трубке. Он снял ее, быстро набрал номер коммутатора и попросил соединить его с комиссаром государственной безопасности. Соединили быстро. Он представился и в двух словах обрисовал всю ситуацию. Положив трубку, он посмотрел на притихшего Тарасова.

– Вот что, тезка. Сейчас подойдет машина, и мы с тобой поедem на «Черное озеро». Там тебе нужно еще раз рассказать все, что ты только что рассказал мне. Ты, главное, не волнуйся, там работают прекрасные люди и хорошие специалисты.

– Слушай, Иваныч. Может, ты сам им все это расскажешь, а я пойду домой? Ты знаешь, мне скоро на работу, а я еще ничего не ел, да и жена будет волноваться, если я вовремя не вернусь.

– Я что-то не совсем тебя понимаю, Тарасов? А как же твой гражданский долг? Может, тебе непонятно, с кем ты столкнулся, и что эти люди задумали? Ты только представь себе, что произойдет с городом, если они исполнят задуманное? Не мне это все тебе объяснять. Ты же прошел финскую войну и хорошо знаешь, что такое кровь, и как выглядит наш враг. Ты знаешь, я был о тебе другого мнения, – он не договорил и от отчаяния махнул рукой.

– Да ладно, Иваныч. Я что, не понимаю? Меня не нужно агитировать за Советскую власть. Раз надо, так надо.

За окном кабинета несколько раз противно твякнул автомобильный клаксон. Горшков выглянул в окно и махнул кому-то рукой.

– Ну что, Тарасов? Давай вставай, поехали. Эти люди не любят ждать.

Горшков взял со стола фуражку, и они вышли из кабинета. Поравнявшись с комнатой дежурного по отделу, он предупредил его о том, что поехал на «Черное озеро». Они вышли из здания отделения милиции и направились к ожидавшему их автомобилю. Дорога заняла немного времени, от силы минут тридцать. До этого Тарасову никогда не приходилось бывать в этом сером и сумрачном здании, о котором ходило много всяких легенд и рассказов. Тарасов осторожно переступил порог этого заведения и непроизвольно замер, не зная куда идти. Горшков подошел к постовому и что-то спросил у него. Переговорив с ним, он направился к телефону, который висел на стене, и стал звонить. Прошло еще с минуту, и к ним вышел офицер, в звании лейтенанта госбезопасности.

– Кто из вас Тарасов? – поинтересовался он. – Прошу проследовать за мной.

Александр взглянул на Горшкова и направился вслед за офицером. Они поднялись на второй этаж, и подошли к массивной деревянной двери.

– Подождите минутку, – произнес лейтенант и скрылся за дверью. Оставшись один, Тарасов стал осматриваться по сторонам. Широкий и длинный коридор был пуст. Где-то вдали за поворотом коридора послышалась чья-то речь, которая быстро прервалась.

«Почему не видно людей? – подумал он. – Странно как-то».

– Проходите, Тарасов, – произнес офицер, приглашая его в кабинет.

Он вошел и остановился у двери. В дальнем конце просторного и светлого кабинета стоял большой письменный стол, накрытый зеленой тканью. На столе стояли: медный письменный прибор, настольная лампа и два телефонных аппарата. За столом сидел мужчина средних лет в военной форме, в петлицах которого, поблескивая эмалью, светились три ромба. Военный выглядел неважно. Лицо его казалось усталым. Под глазами нависли темные мешки, что без слов говорило о болезни почек.

– Проходите, Тарасов, – произнес он глуховатым голосом. – Моя фамилия Виноградов. Зовут меня Зиновий Павлович.

– Тарасов, – начал представляться ему Александр, но тот оборвал его на полуслове.

– Не нужно. Я хорошо знаю, кто вы. Присаживайтесь, пожалуйста.

Когда он присел на стул, Виноградов неожиданно спросил:

– Вы, наверное, Александр Павлович, голодный? Сейчас я прикажу принести нам чай и бутерброды.

Он нажал на кнопку, расположенную на столе, и тут же в дверях появился лейтенант.

– Вот что, милейший, – обратился Виноградов к офицеру. – Организуй-ка нам чай и бутерброды, а заодно пригласи ко мне в кабинет Рыбакова.

Лейтенант вышел. Виноградов достал из коробки папиросу и, размяв табак пальцами, закурил.

Иван Петрович Проценко родился в 1900 году в городе Ужгород, в семье врача. Его мать преподавала в гимназии, а отец занимался частной врачебной практикой. Когда началась первая мировая война, ему исполнилось четырнадцать лет, и он, сбежав из дома, вступил в армию генерала Брусилова, прибавив себе для солидности четыре года. Несмотря на небольшой рост и худобу, воевал он неплохо. В 1916 году был награжден двумя «Георгиями» и именной шашкой с георгиевской лентой. Вскоре ему присвоили звание прапорщика, через год он стал подпоручиком. Революцию семнадцатого года Проценко встретил в военном госпитале Казани, куда был доставлен санитарным поездом. Выписавшись из госпиталя, он примкнул к большевикам и вскоре оказался на фронте под Царицыным, где познакомился с Ворошиловым, а затем и Сталиным. За героизм, проявленный в одном из боев, Проценко был награжден Орденом Боевого Красного Знамени. Награду ему вручал военный министр большевицкой России – Троцкий. После этого награждения жизнь Ивана резко пошла в гору. Вскоре его назначили командиром артиллерийского полка, который входил в состав конной армии Буденного.

При рейде армии на Варшаву он был ранен осколком снаряда и попал в плен к белополякам. Спас Ивана от расстрела его земляк, с которым он когда-то учился в гимназии. Сейчас этот однокашник служил переводчиком у коменданта концлагеря. Он ловко сделал исправления в его документах, и с этого момента красный командир Иван Петрович Проценко превратился в рядового бойца Красной Армии Николая Проценко. Однажды Ивана вызвал к себе комендант. Иван в сопровождении польского солдата вошел в его кабинет и остановился в дверях, держа в руке старую офицерскую фуражку.

– Садись, Проценко. Пить будешь? – спросил он его.

Комендант поставил на стол штоф водки, толстый кусок сала и половину караваев черного хлеба.

– Угощайся, Иван, – произнес он добродушно на чистом русском языке. – Не удивляйся, я хорошо разговариваю на вашем языке. Ты удивлен, что я назвал тебя не Николаем, а твоим настоящим именем? Если хочешь, я скажу больше. Я знаю, что ты – бывший командир Красной армии, командовал полком.

Заметив растерянность Ивана, он громко рассмеялся. У Проценко почему-то затряслись руки, а лицо стало белым, как снег. Он впервые почувствовал холодное дыхание смерти у себя за спиной.

– Ты думал обмануть меня, Иван, но видишь, у тебя ничего не получилось. Вот я сейчас посмотрел на тебя и понял, как ты боишься смерти. Это естественно, смерть есть смерть, и от нее ничем не откупишься. Я могу тебя расстрелять прямо сейчас, могу завтра, могу и помиловать. Все в моей власти, и сейчас только от тебя зависит, когда ты умрешь.

Комендант, молча, достал из кобуры пистолет и положил его перед собой. Глаза Ивана невольно сконцентрировались на этом предмете, который мог отобрать у него жизнь в любой момент. Во рту стало сухо, словно он уже проглотил эту горячую, покрытую медью, свинцовую пулю.

– Жить хочешь, Иван, или предпочитаешь умереть большевиком? Впрочем, уже неважно, как ты умрешь, как большевик или как обычный человек. Об этом никто и никогда

не узнает. Сырая земля всех уравнивает – и героев, и трусов. Что ты молчишь, Иван? Может, ты не понимаешь, о чем я говорю?

Он пристально посмотрел на Ивана. Его взгляд бы колючим и холодным. Руки у Проценко дергались все сильнее и сильнее. Чтобы каким-то образом скрыть это, он убрал их за спину.

– Боишься, Иван. Вижу, что боишься. Одно дело погибнуть в бою, раз – и тебя нет, другое дело – вот так, выбирать – жить или умереть. Но ты человек грамотный, и я даю тебе право самому сделать выбор между жизнью и смертью. Ты сам понимаешь, что безвыходных ситуаций в жизни не бывает. Есть только одно решение в этом вопросе и, если ты хочешь, я могу подсказать его тебе. Ну и как? Подсказать или ты сам догадаешься?

Проценко мгновенно понял, что от него хочет комендант лагеря. Он хотел ответить, но язык, прилипший к небу, не подчинился ему. Чтобы не молчать, он мотнул головой в знак согласия.

– Вот и хорошо, Проценко. Люблю работать с умными людьми. Им не нужно долго объяснять суть вопроса, они сами быстро догадываются, что от них требуется. Присаживайся поближе. Вот тебе лист бумаги, пиши.

Иван посмотрел на коменданта, как собака смотрит на своего хозяина, держащего в руках кусок мяса. Заметив его взгляд, комендант снова улыбнулся. Ему нравилось смотреть, как психологически ломается человек, как из народного героя превращается в человеческое ничтожество. Комендант начал диктовать текст. Проценко писал быстро, при этом ему удавалось писать не только красиво, но и без ошибок. Закончив писать, он отложил ручку в сторону и посмотрел на коменданта лагеря, как на своего непосредственного начальника.

– Распишись внизу, Проценко, и не забудь поставить дату. С этого дня все свои сообщения будешь подписывать как Пион. Что, не нравится псевдоним? А я вот думаю, что этот псевдоним, как раз хорошо тебе подходит. Твоя душа, Ваня, такая же нежная, как лепестки этого цветка. А сейчас наливай водку и пей. Сало и хлеб можешь забрать с собой. Если будут спрашивать, скажешь, что тебя угостил хозяин, у которого ты сегодня весь день работал в поле. Понял?

Проценко налил полный стакан водки и залпом выпил. Водка обожгла горло. Он крякнул от удовольствия и, отрезав толстый кусок сала, запихал себе в рот. Спиртное мгновенно ударило в голову. По телу пробежала волна тепла и полного спокойствия. Он поклонился польскому офицеру и вышел в коридор, где его ждал часовой.

До тридцать девятого года жизнь Проценко была полна всевозможных приключений. Он в составе отрядов, составленных из бывших белогвардейцев и других врагов Советской власти, участвовал в нескольких рейдах в приграничные с Польшей районы РСФСР, где штыком и огнем искоренял власть рабочих и крестьян. Однако после очередной неудачной попытки прорваться через кордоны советских пограничников их отряд понес большие потери, он сам чуть не угодил в плен к красноармейцам. Проценко получил ранение в ногу и с большим трудом вплавь пересек Буг.

В конце сентября 1939 года, после падения Польши под натиском гитлеровской Германии, Проценко оказался среди курсантов немецкой разведывательной школы в чехословацком местечке Слияч. В школе обучались около пятисот курсантов различных национальностей, разделенных на группы: английскую, румынскую, русскую, африканскую, арабскую, в зависимости от знания курсантом языка. В каждой группе проводились занятия по изучению иностранных языков, методов разведывательной и диверсионной работы, автодела, верховой езды, плавания, бокса, джиу-джитсу, радио и фотодела. Школа готовила агентуру для заброски в

Великобританию, США, Иран, Индию, СССР и другие страны. Задания были разные: диверсионного, разведывательного и контрразведывательного характера.

Преподаватели школы сразу же обратили внимание на Проценко, который отличался от многих курсантов сообразительностью и логическим мышлением. Кроме всего прочего, он имел отличные оценки по взрывному делу, стрельбе и другим спортивным дисциплинам. Однажды вечером, когда его учебная рота готовилась к отбою, его вызвал к себе начальник школы. Проценко остановился около двери, одернул на себе немецкую форму, в которую были одеты все курсанты школы, и, открыв дверь, вошел в кабинет.

– Хайль Гитлер! – громко выкрикнул он и выбросил правую руку вперед.

Начальник школы, мужчина лет пятидесяти, сморщился от его выкрика, словно проглотил дольку кислого лимона. Он махнул ему рукой и предложил присесть на стул. Только сейчас Иван заметил еще одного человека в этом кабинете. Это был незнакомый ему мужчина, лет шестидесяти, одетый в черный костюм, пошитый неплохим закройщиком.

– Курсант Проценко, – произнес начальник разведшколы, – руководство школы выражает вам свое уважение. Вы – один из самых перспективных наших курсантов, которого ожидает прекрасное будущее. Вам доверена большая честь, принять участие в освобождении вашей Родины от коммунистического ига.

Иван почувствовал, как какой-то комок подкатил к горлу, от которого у него перехватило дыхание. Он сразу понял, в чем заключается это высокое доверие немецкого командования. Сделав усилие, он проглотил этот комок и громко поблагодарил начальника школы за оказанную ему честь.

– Познакомьтесь, Иван, это полковник Шенгарт. Вы с завтрашнего дня поступаете в распоряжение его команды. А сейчас идите, вы свободны. Советую вам заглянуть напоследок в наш винный погребок. Можете сказать командиру роты, что я вам разрешил сегодня немного погулять.

– Спасибо, господин капитан.

Проценко щелкнул каблуками и, развернувшись через левое плечо, вышел из кабинета. С этого вечера жизнь Ивана резко изменилась. С ним снова занимались инструкторы Абвера, заставляя его совершенно по-другому взглянуть на физическую и техническую подготовку курсанта. Прыжки с парашютом в дневное и ночное время стали обыденным явлением. Как Иван и предполагал, его усиленно готовили для переброски на территорию СССР. Вечером его вызвал к себе полковник Шенгарт.

– Вам приходилось, Проценко, бывать в Казани? – спросил он, явно зная его ответ.

– Да, господин полковник. Я лечился в этом городе после ранения в семнадцатом году.

– Надеюсь, что вы еще не забыли этот город?

– Трудно сказать, господин полковник, а вернее оценить мои знания этого города, ведь это было давно.

– Ничего, наши инструкторы освежат вашу память.

Проценко вышел из кабинета и направился к себе в казарму. Он понял, что его готовят для работы в этом городе.

Иван приземлился довольно мягко. Стояла темная зимняя ночь. Лес был сказочно красивым. Высокие стройные ели и сосны, словно застывшие воины, мирно окружали его. Он посмотрел в ночное небо, в котором стихал шум авиационного двигателя, и, быстро собрав купол парашюта, зарыл его в небольшом сугробе, замаскировав снегом. Осмотревшись по сторонам, он вынул из кармана куртки компас и карту. Включив фонарик, быстро определил свое местонахождение. Закинув за спину вещевой мешок, он вышел на проселочную дорогу и направился к хутору, который, по его расчетам, должен был находиться в километрах пяти от

места выброски. Вместе с ним в самолете летела еще одна группа диверсантов, в количестве трех человек. Ее должны были выбросить где-то в районе Ровно. Именно эта группа и должна была отвлечь силы чекистов на себя и, тем самым дать ему возможность без всяких осложнений покинуть место высадки.

Иван долго стоял около изгороди, наблюдая за домом. К дому вела узкая тропинка, протоптанная в снегу. Других следов около дома он не заметил. Проценко посмотрел на часы.

«Начало шестого утра», – прикинул он, направляясь к дому.

Подойдя к двери, он несколько раз ударил по ней кулаком. Ждать пришлось недолго. Дверь широко открылась, на пороге стоял мужчина, лет пятидесяти.

«Видимо, ждал, – сделал вывод Проценко. – Это значит, что у него есть связь с заграницей».

– Что нужно? – строго спросил мужчина. – Кто в такую рань ходит в гости?

Это была условная фраза, из которой следовало, что в доме никого, кроме хозяина, нет.

– Действительно рановато ходить по гостям, – произнес вторую часть пароля Иван. – Вы уж меня простите, Христа ради.

– Проходи. Не стой у порога, – буркнул хозяин и, повернувшись к нему спиной, направился в комнату.

Проценко, прежде чем войти в избу, еще раз посмотрел по сторонам и, убедившись, что вокруг ничего подозрительного нет, вошел в дом вслед за хозяином.

– Ты, один? – поинтересовался он у Ивана, хотя хорошо знал, что он один. Об этом свидетельствовали лишь два стакана, выставленные на столе. – Зови меня Степаном, так проще. Ты – мой племянник из Ужгорода. Приехал в гости проведать меня.

– К чему весь этот инструктаж? Что, боишься пограничников?

– Можно подумать, что ты их не боишься. Береженого человека и Бог бережет. Может, благодаря этой осторожности и страху, я еще здесь живу, а не на Колыме. Скидывай свою одежду и проходи. Наверное, замерз с дороги?

– Есть немного, – ответил Проценко, снимая с себя вещевой мешок и куртку. – Мне нужно успеть на первый поезд, идущий на Киев.

– Поезд в полдень, еще успеем. А сейчас поешь и немного отдохни.

Иван сел за стол и, налив полный стакан самогона, опрокинул его в себя. Взяв с тарелки соленый огурец, он с хрустом откусил большой кусок.

– Билет купил? – поинтересовался Иван.

– Да, – коротко ответил Степан. – Все в порядке. Через час поедem. Пока доберемcя до станции, будет как раз светло. В темное время суток пограничники прочесывать лес не станут, поэтому отсюда надо выехать через час. Они, наверняка, утром заблокируют весь этот район. Вот, переоденься, в такой одежде, как у тебя, здесь никто не ходит.

Проценко взял из рук хозяина узел с одеждой и стал переодеваться. Закончив, он подошел к небольшому осколку зеркала и взглянул на себя. Оставшись довольным своим новым образом, он сел за стол и снова налил в стакан самогон.

Степан был когда-то сотником в армии батьки Махно, мотаясь с ним по городам Украины. Утверждая народную крестьянскую власть, он не забывал и про себя. В его вещевом мешке, с которым он никогда не расставался, хранились золото и драгоценные камни, которые он отбирал у буржуев, грабя поезда и ювелирные лавки. Хитрый от природы, он вовремя понял бесперспективность всей этой махновщины и, прихватив с собой несколько лошадей, однажды ночью покинул расположение своей сотни и отправился на запад в поисках счастья. Выбрав для себя место подальше от войны, он вскоре женился. Однако, несмотря на достаток, семейного счастья он не обрел. Жена умерла, оставив ему дочь Оксану – красивую, белокурую

девочку. Когда она достигла возраста восьми лет, он отвез ее в город и устроил в школу. Окончив школу, девочка уехала во Львов, где вышла замуж за польского офицера. Именно зять и привлек его к работе сначала на польскую разведку, а уж затем и на немецкую. В задачу его входило встречать гостей из-за кордона и провожать их до станции. Этот мужчина, который сидел за его столом, был уже третьим человеком в этом году, которого он должен был довести до станции.

– Пора, – тихо произнес Степан. – Нужно двигаться.

Проценко встал из-за стола, перекрестился и стал натягивать на себя меховой полушубок. Надвинув на самые глаза старенькую папаху, он вышел из хаты и, положив в сани свой вещевой мешок, развалился в них на соломе. Выехав на дорогу, они направились в сторону железнодорожной станции, которая находилась в километрах пятнадцати от хутора. На пути они увидели две машины с пограничниками, которые ехали им навстречу. Одна из машин остановилась. Из ее кабины выбрался молоденький лейтенант и направился в их сторону.

– Здравствуй, дядька Степан! – поздоровался он. – Это ты, куда с утра направляешься?

– Здравствуй, сынок. Да вот решил отвезти на станцию своего племянника. Гостил он у меня с недельку. Ему завтра нужно уже быть на работе.

Лейтенант оценивающе посмотрел на Проценко и, улыбнувшись, попросил его предъявить документы. Иван, молча, достал из кармана большой бумажник и, порывшись в нем, вынул паспорт. Офицер открыл паспорт, посмотрел прописку и, сверив вклеенную там фотографию с оригиналом, вернул его хозяину.

– Дядя Степан! Ты случайно никого не встречал по дороге?

– Нет, сынок, никого. А что произошло?

– Да ночью немецкий самолет здесь кружил. Может, сбросил вражеских лазутчиков.

– Нет, сынок. Если бы видел, я бы сразу вам дал знать.

– Ладно, езжай. Будь осторожен, мало ли что.

– Спасибо, сынок, – поблагодарил его Степан и стеганул лошадь кнутом.

Когда машины с пограничниками скрылись за поворотом дороги, Иван повернулся к Степану.

– Я смотрю, ты неплохо здесь устроился. Дружишь и с нами и с ними. Ласковый теленок двух маток сосет. Это как раз про тебя, Степан.

– Была бы моя воля, я бы их всех порубал за вольную Украину.

– погоди, придет еще твое время, порубаешь.

Они приехали на станцию. Поезд на Киев прибыл вовремя. Пожав руку Степану, Иван взобрался в вагон и, помахав ему рукой, исчез в темноте вагона. Степан хлестнул лошадь кнутом и направился в обратную сторону.

Через неделю Проценко был уже в Казани. Недолго думая, он отправился на крупную железнодорожную станцию Юдино, которая находилась рядом с городом, и устроился там работать сцепщиком вагонов. Это была определенная его победа. Еще находясь в разведшколе, он окончил специальные курсы, после которых мог не только управлять паровозом, но мог также легко справляться с любой работой, связанной с железной дорогой. Он снял квартиру в рабочем поселке Игумново, который примыкал к Адмиралтейской Слободе. Комнатка была небольшой, чистой и, самое главное для него – имела запасной выход в сторону лесопосадки.

Теперь, по заданию немецкой разведки, он должен был выйти на связь с радисткой, которая проживала в центре города – в Академической Слободе. В свой выходной день он надел новый темно-серый костюм, белую сорочку и, поправив у зеркала полосатый галстук, поехал в центр города. Он быстро отыскал нужный ему дом и, остановившись недалеко от него, стал

наблюдать за обстановкой вокруг. Он хорошо помнил наставление одного из опытных инструкторов разведшколы, который всегда им говорил о золотом правиле разведчика. Оно гласило: перед тем как войти, всегда подумай, как оттуда выйти. Вот и сейчас, перед тем как встретиться с радисткой, он решил внимательно изучить обстановку вокруг ее дома. А вдруг за домом чекисты установили наружное наблюдение? Ему не хотелось, вот просто так, угодить им в лапы. Через полчаса наблюдения он уже хорошо знал, что вокруг дома чисто, и он может без всякого риска встретиться с ней. Он поднялся на второй этаж и осторожно постучал в ее дверь. За дверью было тихо.

– Если вы к Зое, то ее нет дома, – услышал он за своей спиной мелодичный женский голос. – Она – на работе.

– Надо же! – с горечью произнес он. – Заехал передать поклон от брата, а ее не оказалось дома. Вы, гражданочка, не подскажете, где ее можно найти?

Женщина смерила его любопытствующим взглядом и, улыбнувшись, произнесла:

– Да она здесь рядом работает, в музыкальной школе. Сейчас выйдете на улицу и пойдете направо. После первого поворота метров через сто увидите школу.

– Спасибо, милая. Мужа тебе хорошего, – произнес он и направился к выходу из дома.

Войдя в школу, он подошел к доске с расписанием уроков и быстро нашел фамилию Зои. Судя по расписанию, до окончания урока оставалось еще минут двадцать. Дойдя до класса, из которого были слышны гаммы, он слегка приоткрыл дверь. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что немцы ему не врали, описывая внешность этой женщины. Она действительно была стройной и очень красивой, с шикарными светлыми волосами, уложенными в сложную прическу, которая так шла ей. Алые пухлые губы, небольшой аккуратный носик и большие василькового цвета глаза, словно два горных озера, мгновенно очаровали его.

«Какая красивая женщина, – невольно подумал он. – Ей бы в кино сниматься, а не учить детишек гаммам. Интересно, как они ее завербовали? Не исключено, что ее привела к ним любовь. Таких интересных женщин, как правило, и ловят на этом».

Он закрыл дверь и вышел на улицу. Там было солнечно и тепло. Выбрав чистую скамейку, Иван присел на нее и стал ждать Зою.

Она вышла из здания школы и медленным шагом направилась вдоль улицы. Проценко снова невольно залюбовался статной походкой этой женщины. Догнав у перекрестка, он осторожно взял ее под локоть. Женщина вырвала локоть и с испугом посмотрела на него.

– Мужчина! Что вы пристаёте к порядочной женщине? – произнесла она громко, стараясь привлечь внимание проходящих мимо людей. – Как вам не стыдно? А с виду – приличный мужчина!

– Извините, женщина. Произошла небольшая ошибка. Я вас перепутал со своей старой знакомой. Еще раз, извините, – произнес он и направился в противоположную сторону.

Проводив его взглядом, Зоя продолжила свой путь. Зайдя по дороге в продуктовый магазин, она снова увидела Проценко. Он пристально смотрел на нее, чем вызвал у нее приступ страха. Он подошел к ней, словно старый знакомый, и снова взял ее за локоть.

– Вы даете частные уроки музыки? – произнес он условный пароль для связи. – Только не дергайтесь и не пытайтесь поднять скандал. Я – Пион, вы должны знать обо мне.

Она, похоже, была в шоке от услышанного пароля. Оглянувшись по сторонам, Зоя еле выдавила из себя:

– Иногда, при наличии свободного времени.

– Вот и хорошо. Значит, договоримся, – произнес он. – Я жду вас сегодня через два часа на железнодорожном вокзале.

– Хорошо, – как-то обреченно произнесла она и направилась к кассе, чтобы выбить чек за продукты.

Местность вокруг моста оцепили милиционеры. Рабочие, выходящие после смены с завода, останавливались и с интересом наблюдали за работой военных. Саперы вместе с чекистами разминировали мост, связывающий два берега Казанки. Погрузив в машину ящики с взрывчаткой, военные уехали, оставив около моста одного человека из охраны завода. Виноградов подошел к стоявшему недалеко Тарасову и крепко пожал ему руку.

– Тарасов! От лица руководства республиканского НКВД позволь выразить тебе огромную благодарность. Глядя на такой объем заложенной врагами нашего государства взрывчатки, невольно вспомнишь слова товарища Сталина. Как он сказал? – произнес майор и посмотрел на Александра. – Правильно, враг не дремлет и готов в любую минуту ударить ножом в спину нашему рабоче-крестьянскому государству. Ты сделал большое государственное дело, и мы этого никогда не забудем.

Лицо Тарасова залила краска.

– Спасибо, товарищ нарком третьего класса. Я всегда готов помочь нашему государству в борьбе с врагами народа. Извините меня, товарищ нарком, но я сейчас вспомнил то, о чем я вам не успел рассказать.

– Так о чем вы не успели рассказать? – спросил он Александра.

Тарасов смутился. Ему было неприятно об этом говорить сейчас, потому что тогда, в кабинете майора НКВД, он посчитал этот эпизод сущим пустяком и поэтому промолчал.

– Я не сказал вам о том, как один из диверсантов, ну тот, что был с удочками, остановил около магазина местного уличного мальчишку и попросил его отнести кому-то записку. Я видел, что мальчишка побежал в Дудоровский садик, а вот куда конкретно, кому ее передал и от кого принес ответ, сказать не могу.

– Тарасов, а ты сможешь опознать этого мальчишка? Ты его хорошо запомнил?

– Зиновий Павлович! Я же вам говорил, что воевал в финскую войну в разведке. Если увижу, то сразу же узнаю. У меня на лица хорошая память.

– Вот и хорошо. Я дам тебе в помощь двух опытных оперативников. Походи с ними по дворам, может, и найдете этого мальчишка.

Он повернулся к группе офицеров, стоявших в стороне, и подозвал одного из них.

– Вот познакомься, это Александр Тарасов. Завтра возьмешь одного из своих сотрудников и совместно с ним отработаете жилой массив в Адмиралтейской Слободе. Нужно будет найти там мальчишка, который вчера передавал записку одного из этих диверсантов, и узнать у него адрес, куда он ее отнес. Понятно?

– Так точно, товарищ старший майор, – произнес офицер и отошел в сторону.

Они встретились рано утром. Сотрудники НКВД были одеты в гражданскую одежду и не вызывали ни малейшего подозрения у жителей этого небольшого рабочего микрорайона города. Тарасов и два чекиста обходили дом за домом в надежде найти мальчишка. Время шло, однако нужного им мальчишку они встретить не смогли. К полудню стало жарковато. Один из сотрудников снял с головы клетчатую кепку и, достав из кармана брюк платок, начал вытирать им потные лоб и шею.

– Слушай, Саша, а вдруг мальчишка уехал из города? Может, мы зря его ищем? Ты точно запомнил, как он выглядел? – обратился к нему он. – Мы же практически все дома обошли, а его так и не увидели.

– Нет, товарищ Лыков, он не мог уехать из города. Это был мальчик школьного возраста, а значит, им еще учиться около месяца до летних каникул, – ответил Тарасов и хлопнул себя

ладонью по лбу. – Слушайте, товарищ лейтенант! А может, он сейчас на занятиях в школе, а мы его во дворах ищем? Давайте заглянем в школу, чем черт не шутит, может, нам там повезет?

Они направились к школе. Школа на улице Большая размещалась в двухэтажном здании из красного кирпича. Они вошли в школьный двор, и тут же Тарасов заметил мальчишку, который в группе с другими такими же, как и он, ребятами играли в орлянку. Кто-то из мальчишек заметил их и что-то сказал остальным мальчишкам. Они перестали играть и, сбившись в стайку, стали с интересом рассматривать незнакомых мужчин.

– Товарищ лейтенант! Вот тот мальчишка, – произнес Александр и указал на мальчишку со светлыми длинными волосами. – Это точно он. Я его хорошо запомнил!

– Спасибо, Тарасов, теперь мы сами все сделаем без тебя. Спасибо за помощь, а сейчас можешь идти домой. По-моему, ты недалеко живешь отсюда?

Александр облегченно вздохнул и, пожав руки сотрудникам НКВД, направился домой. За эти два дня, что ему пришлось провести вместе с сотрудниками НКВД, он похудел, лицо его осунулось, а под глазами появились темные круги. Все это было следствием психологического напряжения. До этого случая ему никогда не приходилось сталкиваться с сотрудниками этой службы, которую боялись не только враги, но и простые люди. Теперь, когда он сам наглядно убедился в наличии шпионов и диверсантов, которые ведут секретную войну с советским народом, он взглянул на эту службу совершенно другими глазами.

Через неделю его вызвали в партком льнокомбината, где он работал электриком, и в присутствии членов райкома партии вручили ключи от новой двухкомнатной квартиры. Как озвучил секретарь райкома партии, это была награда за проявленную им бдительность и помощь службе госбезопасности в разоблачении вражеских диверсантов. Весь президиум хотел позвать ему руку, сказать какие-то ласковые и теплые слова. После собрания его отпустили с работы домой. Он был горд и рад этому, внезапно свалившемуся на его голову счастью, ведь он проживал с женой и тремя детьми в небольшой сырой квартире полуподвального типа, и весной талые воды заливали его квартиру. Через неделю они въехали в новую, светлую квартиру.

Несмотря на утренние часы, на улице было уже жарко. Закончилась смена, и Тарасов пошел в раздевалку. Он вымыл руки и направился к своему шкафчику, в котором находилась сменная одежда. Неожиданно до него донесся протяжный и, как ему показалось, тоскливый заводской гудок порохового завода, который извещал об окончании рабочей смены. Он посмотрел на часы, висевшие на противоположной стене.

«Что такое? Они что там, время перепутали, что ли? – невольно подумал он. – Ведь смена на заводе заканчивается лишь через полчаса».

Не найдя ответа на свой вопрос, он быстро оделся и направился к выходу. Было воскресенье, и Александр собирался всей семьей отдохнуть в «Дубках» на берегу Волги. Около проходной его остановил сменный мастер Никифоров Иван Лукич, мужчина преклонного возраста.

– Тарасов! Ты куда это собрался? Давай, возвращайся в цех, на митинг!

– На какой такой митинг, Иван Лукич! Сегодня же воскресенье, а вы какие-то митинги придумали? Меня дома ждет семья, я им обещал, что сегодня свожу в «Дубки».

– Ты что, Саша, не слышал, что началась война! Немцы на нас напали!

– Да брось ты, Иван Лукич! Какая война? А как же пакт о ненападении? Я сам его лично читал!

– Да, что я с тобой буду спорить! Я сказал идти на митинг, значит, надо выполнять указание мастера. Вот там все и услышишь!

Он повернулся спиной к Александру и стремительной походкой направился к месту проведения митинга. Слова о войне на какой-то миг шокировали Тарасова. Ему до сих пор не

верилось, что Германия напала на СССР. Первое, о чем он подумал, это – жена и его малолетние дети. В том, что его призовут на войну, он ничуть не сомневался, поэтому его больше волновала семья, чем свое личное благополучие. Он, молча, направился вслед за мастером. На небольшой площадке около главного корпуса фабрики собрались около ста человек. Основную массу собравшихся рабочих составляли женщины. Александр стоял в толпе заводчан и слушал выступление директора фабрики. Его речь прервал голос из динамика.

– Братья и сестры, – звучал в динамике глуховатый голос Молотова. – Сегодня, в четыре часа утра, без объявления каких либо претензий... Наши пограничники в тяжелых боях отбивают атаки фашистских захватчиков...

Тарасов посмотрел по сторонам, стараясь отыскать в этой застывшей толпе парторга цеха. Он почему-то вдруг захотел посмотреть ему в лицо, ведь именно он уверял всех рабочих их цеха, что немцы наши друзья и никогда не нападут на нашу родину. Однако сколько он не всматривался в лица людей, парторга он так и не увидел.

«Интересно, где он? – подумал Александр. – Почему его не видно. Пусть он сейчас выступит перед рабочими и признается в том, что был неправ. Ведь это он сообщил, наверное, в НКВД о Харитонове, который вступил с ним в спор, доказывая, что нацисты рано или поздно развяжут войну с СССР».

Вдруг в толпе рабочих, словно волна, стало расти возбуждение, послышались выкрики, что необходимо встать на защиту Родины. Александр, расталкивая собравшихся локтями, попытался выбраться из толпы, однако люди стояли так плотно, что ему этого сделать не удалось. Оставив эти попытки, он повернулся лицом к трибуне. На нее медленно поднялся первый секретарь райкома партии. Он говорил долго и страстно, помогая себе жестикуляцией рук. О чем он говорил, Тарасов слышал плохо, так как его речь часто тонула в воинствующих криках людей. Настроение у всех собравшихся на митинг в какой-то момент резко изменилось. Чувства страха и растерянности, изначально охватившие людей, исчезли. Многие из стоявших рядом с ним мужчин и женщин были убеждены, что война продлится недолго, да и бои будут вестись только на территории врага, а иначе и быть не должно, так об этом всегда говорил товарищ Сталин. Снова заговорил молчавший динамик. Стало тихо, лишь иногда раздавались женские причитания и всхлипы. Немецкие самолеты бомбили Минск и Смоленск, а там у некоторых жили родственники.

– Тарасов! Может, скажешь пару слов. Ты у нас человек уважаемый, участник финской компании, – неожиданно обратился к нему секретарь парткома фабрики. – Скажи, подбодри людей, ведь им сейчас так нужны добрые слова.

Толпа расступилась, и Тарасов, слегка покраснев от волнения, направился к трибуне. Он быстро вбежал по ступенькам и оказался над головами, стоявших у трибуны рабочих. Он слегка откашлялся и посмотрел на людей. Многие из них, по всей вероятности, ждали от него, простого рабочего их фабрики, слов, которые помогли бы снять напряженность, что буквально висела над их головами.

– Товарищи! Друзья! Вот и пришло время, чтобы каждый из нас смог доказать не на словах, а на деле, как нам дорога наша Родина. Враги считают, что мы слабы, что мы не сможем оказать им достойного отпора, а иначе они не рискнули бы развязать эту войну.

Александр сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух. Люди, молча, слушали его. Ни одной реплики, ни одного слова из толпы.

– Вы все, стоящие здесь, хорошо знаете меня. Я в девять лет пришел на фабрику. Кем я только здесь не работал, один Бог знает. Только благодаря Советской власти я окончил школу и выучился на электрика. Так неужели я, товарищи, брошу свою Родину, отдам ее на растерзание врагам?! Мы обязательно победим! Победа будет за нами!

– Ура, ура! – закричала возбужденная его речью толпа.

К Тарасову подошел секретарь райкома партии и пожал руку. Александр отошел в сторону, освобождая место другому выступающему рабочему. Начальник районного военного комиссариата громко сообщил, что уже формируются отряды добровольцев, и предложил записываться. Все происходящее здесь на площади казалось Тарасову каким-то страшным сном, который вот-вот должен был закончиться. И снова наступит нормальный день, и он отправится к себе домой, где его ждут жена и трое малолетних детей. Однако сон почему-то не заканчивался. Со всех сторон доносились выкрики возбужденных людей, сыпались проклятия на головы фашистов. Впервые за последние два года он услышал из уст первого секретаря райкома партии слова «фашизм, нацизм», которые после пресловутого «Пакта о ненападении и дружбе» между СССР и Германией были вычеркнуты из лексикона и публикаций в прессе.

После окончания митинга Тарасов направился домой. Улицы Адмиралтейской Слободы, несмотря на воскресный день, были пусты. Многие продуктовые магазины оказались закрытыми, а в других – стояли огромные очереди, сметающие абсолютно все с прилавков. Бросив недокуренную папиросу, он вошел в подъезд своего дома. Немного помедлив, он открыл входную дверь и вошел в прихожую. Первое, что ему бросилось в глаза, было лицо жены, которая сидела за столом в окружении детей. Глаза ее были красными от слез. На столе лежал небольшой листочек бумаги. Александр сразу все понял, это была повестка из военкомата.

25 июня 1941 года. Казань. Первые Горки. Военный лагерь. Несмотря на близость к городу, приказом начальника сборного пункта, было категорически запрещено покидать его пределы, за нарушение приказа – военный трибунал. Все были на жестком казарменном положении. Вечером перед отправкой на вокзал состоялся митинг. Секретарь Кировского райкома партии, который выступал на фабрике, снова с большим подъемом говорил о вероломстве фашистов. Солдаты стояли под жарким солнцем, вслушиваясь в его слова. Он говорил долго, и Тарасову показалось, что этот человек, одетый в белую рубашку, просто наслаждался своей речью. Гимнастерки на спинах красноармейцев постепенно темнели от пота.

Неожиданно для всех из строя вышел офицер и, словно не замечая выступающего секретаря райкома партии, пересек плац, на котором, застыв в строю, стояли шеренги красноармейцев. Не обращая внимания на крики начальника сборного пункта, он скрылся в одной из палаток. Строй, словно окаменел от неожиданности, выступающий замолчал и посмотрел на начальника сборного пункта.

– В чем дело, подполковник? Почему ваш подчиненный самовольно оставил строй. Разберитесь с ним. Об этом поступке я обязательно доложу командованию, – произнес секретарь райкома и сошел с трибуны.

Послышалась команда разойтись, и бойцы, утомленные солнцем и речью, радостно побежали к своим палаткам. Поступок офицера многие посчитали бестактностью, за которую он должен был получить дисциплинарное взыскание. Однако все офицеры и солдаты отлично понимали, что страшнее отправки на фронт взыскания нет. Его поступок объяснили тем, что ему стало плохо. Как потом стало известно Тарасову, это был, как и он, участник советско-финской войны. Он, наверное, был единственным из офицеров, кто хорошо знал, что быстрой и легкой победы не будет, что из всех стоявших в этот момент в строю солдат мало кто доживет до победы.

Вечером их всех построили на плацу. Последовала команда, и строй солдат ровными колоннами направился на железнодорожный вокзал. Здание и площадь перед вокзалом были забиты народом. Где-то звучала гармошка, и нестройные голоса тянули песню «По долинам и по взгорьям». Однако песня неожиданно прекратилась. Через минуту-другую, словно по команде, площадь утонула в криках женщин и детей.

Командир роты не разрешил мужчинам покидать строй, и поэтому каждый боец искал глазами: кто – мать, кто – жену, кто – невесту и, найдя их среди сотен лиц, старался каким-то образом привлечь к себе внимание. Тарасову удалось довольно быстро отыскать глазами жену.

– Надя! Надя! – закричал он и стал размахивать рукой, в которой была зажата пилотка.

Услышав его голос, она прорвалась сквозь строй солдат и работников милиции, которые живой цепью отделяли марширующие роты бойцов от столпившейся людской массы, и бросилась ему на шею.

– Саша! Милый мой! Береги себя! – кричала она, стараясь перекричать гул сотен голосов.

Тарасов обнял ее и поцеловал в губы.

– Надя! Ты тоже береги себя и детей. Не переживай, я обязательно вернусь. Ты слышишь, я обязательно вернусь, ты только жди.

К ней подбежали два солдата и силой оттащили от него.

– По вагонам! – прозвучала команда, и все бросились в вагоны занимать места. Минут через десять паровоз пронзительно свистнул, лягнул стальными буферами и, выпустив струю белого пара, тронулся. Перед глазами Тарасова медленно поплыл перрон железнодорожного вокзала. Увидев тонкую, словно фарфоровую в лучах заходящего солнца фигуру жены, он невольно вздрогнул. Он закричал ей, однако голос утонул в пронзительном свистке паровоза. Этот свист был таким тоскливым, словно он сам уходил на войну. Через минуту здание вокзала исчезло в клубах черного паровозного дыма.

Эшелон шел на запад. Александр сидел в вагоне, свесив ноги с полки. Мимо медленно проплывали до боли знакомые станции: Пороховая, Васильево, Зеленый Дол. На душе было по-прежнему тревожно за оставленных дома жену и детей. Он спрыгнул с полки и направился к открытой двери вагона. Неожиданно кто-то тронул его за плечо. Он резко обернулся и увидел перед собой молодого парня.

– Ну что, братишка, знакомиться будем? – произнес он и протянул большую и сильную руку. – Меня зовут Павлом, фамилия – Романов, я – из Игумнова.

– Тарасов Александр, – коротко представился он. – Я – из Адмиралтейской Слободы. Выходит, мы с тобой почти соседи.

– Слушай, Саня! Я смотрю у тебя треугольники в петлицах? Значит, ты до призыва в армии служил?

– Да, служил. Полтора года, как вернулся с финской войны. А я смотрю, у тебя вся рука синяя от наколок. Я служил, а ты сидел? Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Ты прав, братишка. Я действительно сидел. Так, по малолетке, стащил на вокзале чемодан, думал, что там приличное барахло, а оказалось – мужик из Сибири какие-то камни в Москву вез. Как потом мне сказали на суде, «терпила» оказался геологом. Вот за эти камни и отсидел семь лет. Я, в отличие от тебя, только два раза держал винтовку в руках, и то только два дня назад в лагерях. Дважды стрелял из винтовки по три выстрела, вот и вся моя военная наука.

Тарасов невольно усмехнулся, глядя на лихо заломленную пилотку Павла.

«Как же мы сможем победить немцев, если вот из таких необученных и необстрелянных бойцов был практически полностью сформирован весь их батальон».

– Саня? Можно я буду держаться рядом с тобой? Ты знаешь, мне с тобой спокойнее. Ты – человек опытный, всегда подскажешь, что делать.

Александр снова чуть заметно улыбнулся. Романов, наверное, еще не знал, что Тарасов, приказом командира батальона, назначен командиром отделения, в состав которого входил и он.

Поезд, не делая остановок, все летел и летел на запад. Станции, вокзалы, города, все мелькало и исчезало за дверью вагона, словно какой-то сказочный калейдоскоп. Кто-то из бойцов достал из вещевого мешка гармонь и затянул старую солдатскую песню о черном вороне. Вслед за ним песню подтянул сначала один из бойцов, а затем уже весь вагон пел о солдате, который, умирая на поле боя, просил черного ворона отнести последний поклон близким. То ли песня была такой жалостливой, то ли сами бойцы хорошо понимали, куда они едут, но на глазах у многих в тот момент были слезы. Александр сидел на полу, прислонившись к деревянной стенке товарного вагона, и думал о доме.

– Саня, а что ты не поешь? Что, слов не знаешь? – спросил, наклонившись к нему, Павел.

– Романов! А ты – женатый? – вместо ответа спросил его Тарасов.

– Нет, Саня, еще не успел жениться. Думал, вот осенью женюсь. Ты же знаешь, пятно на мне черное. Не каждая девушка захочет встречаться с ранее судимым человеком. Я вот на работу месяца три не мог устроиться. Куда ни сунусь, как узнают, что я судимый, отказывают. Если бы не старая мать, снова бы сел, жить, ведь на что-то было нужно. А ты?

– А у меня трое детей дома остались. Вот о них и думаю.

Поезд зычно загудел и стал сбрасывать скорость. Вскоре показались станционные постройки. Поезд сильно дернулся и, выпустив струю белого пара, остановился. Тарасов выглянул из вагона. Поезд стоял на станции Арзамас.

Вдоль вагона пробежал посыльный. Командир роты приказал всем командирам отделений и взводов собраться около его вагона. Тарасов поправил гимнастерку и, надев пилотку, спрыгнул из вагона на землю. Пройдя два вагона, он увидел стоявших у вагона командира роты – старшего лейтенанта Платонова, двух командиров взводов и младшего политрука. Когда все подошли к нему, он кратко довел до них приказ командира батальона.

– И так, товарищи командиры, наш батальон прибыл на станцию Арзамас. Здесь нас ждут два батальона нашего полка. Здесь же батальон получит вооружение и в составе полка проследует на западный фронт. Вопросы есть? Если нет, все по вагонам! Командиров взводов и отделений прошу прислушиваться к разговорам подчиненных вам бойцов. Помните одно! Никаких пораженческих разговоров! – скомандовал он. – За ведение их – трибунал.

Все развернулись и бросились обратно по своим вагонам.

– Тарасов! – окликнул его командир роты. – Задержитесь на минутку!

Александр остановился и, развернувшись, направился к нему. Старший лейтенант, порывшись в своей полевой сумке, достал оттуда четверо сложенный лист бумаги. Развернув его, он что-то прочитал и, сложив его, засунул обратно в полевую сумку.

– Тарасов! Судя по документам, вы до мобилизации участвовали в финской компании? – спросил он его. – Это правда?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – четко отрапортовал он.

– Скажите, в каких войсках вы проходили службу? – словно экзаменуя его, поинтересовался он.

«Зачем он меня спрашивает об этом? Ведь у него все записано в личном деле», – подумал Александр.

– В батальонной разведке, товарищ старший лейтенант. Командовал отделением.

– Вот и хорошо. Значит, привык к дисциплине и хорошо понимаешь текущий момент, – продолжил он. – Командир нашего батальона формирует разведывательный взвод. Я рекомендовал ему назначить вас в разведку. Вы человек надежный, проверенный. Насколько я знаю, вы хорошо владеете как винтовкой, так и пулеметом. Вы показывали отличные результаты по стрельбе на сборочном пункте. Как вы относитесь к этому решению?

– Извините, товарищ старший лейтенант. Разве я могу оспаривать приказы своих командиров? Вы – командир, и вам виднее, как лучше использовать того или иного бойца.

– Молодец, Тарасов! Другого ответа я от вас и не ожидал. Так что подберите себе в отделение надежных людей, желательно тех, кто до войны прошел действительную службу в Красной Армии. Я хочу, чтобы вы, Тарасов, уже к утру доложили мне, что вами укомплектовано отделение батальонной разведки.

Александр стоял и удивленно смотрел на командира роты. Несмотря на то, что приказ есть приказ и не подлежит обсуждению, он все же попытался возразить принятому командиром батальона решению.

– Товарищ старший лейтенант, как же я могу сформировать отделение? Я же практически никого из бойцов не знаю. Это же разведка, и там люди особой закваски нужны.

– Вы что, Тарасов, пытаетесь оспорить приказ командира батальона? Вы знаете, что бывает за невыполнение приказа в военное время? Трибунал, стена и яма. Идите и выполняйте приказ.

– Есть выполнять приказ! – произнес он и, развернувшись, побежал к своему вагону.

Поезд тронулся и стал медленно набирать скорость. Тарасову пришлось немного пробежать, чтобы запрыгнуть в свой вагон. Минуты через две вагоны снова резко дернулись и остановились. Александр выглянул из вагона. Их состав загнали в тупик. Сев в углу вагона, он стал внимательно рассматривать лица бойцов, которые лежали и сидели на лежаках.

– Товарищ сержант! Саня! Давай, ко мне. Вот котелок, ешь. Пока ты отсутствовал, мне удалось разжиться кашей, – двигая к нему котелок с кашей, произнес Павел. – Ну, что говорит наше высокое воинское начальство? Куда держим путь? Похоже, уже никуда. Если я прав, наш товарняк загнали в тупик.

Тарасов взглянул на Романова так, что тот мгновенно осекся и замолчал. Александр достал из-за голенища сапога ложку и сел рядом с Павлом. Пододвинув к себе котелок с перловой кашей, он стал с жадностью ее поедать, так как с момента последнего приема пищи на сборочном пункте прошло больше двадцати часов. Закончив с кашей, он вытер ложку носовым платком и сунул ее обратно за голенище сапога. Павел по-прежнему сидел около него и ждал, что ответит земляк на его вопрос.

– Саня! Ты что молчишь? Вас же не просто так собирали? Да не томи меня ожиданием. Может, война закончилась, и мы все завтра двинемся по домам? А что? Не знаю как ты, а я бы быстрее всех помчался домой.

Тарасов посмотрел на его лицо. Павел явно сторал от любопытства.

– Во-первых, я тебе не Саня, а товарищ сержант. Во-вторых, могу сказать, что приказом командира батальона меня назначили командиром отделения разведки. В-третьих, я больше не потерплю подобного панибратства. Ты знай, парень, где и как обращаться ко мне. Понял? Вопросы еще есть?

– Так это же здорово, что тебя назначили командиром отделения батальонной разведки! – восхищенно произнес он. – Вот видишь, как тебе доверяют отцы- командиры. Надо же, командир отделения разведки.

– Что здорово? Ты хоть представляешь, что это такое? Командир роты приказал мне отобрать человек восемь надежных людей в отделение, а где мне взять этих людей? Ты сам посмотри внимательнее на этих бойцов. Только потому, как намотаны у них обмотки, можно сразу все понять. Здесь кадровых солдат от силы человек пять на весь вагон. Вот и скажи мне, из кого набирать-то?

– Саня! Ой, извините меня, товарищ сержант! Возьмите меня к себе в отделение. Богом клянусь, товарищ сержант, не подведу. А то, что я не служил, это не беда, я мужик «фарто-

вый». Думаю, что вы меня многому научите. Кстати, здесь в вагоне есть неплохие мужики, если хотите, могу познакомить. Вон посмотрите, товарищ сержант, на этого, – произнес он и указал ему пальцем на мужчину небольшого роста. – Вы знаете, какая у него сила? Он всю жизнь проработал на заводе кузнецом. Любого в бараний рог согнет. Я сам недавно видел, как он это сделал с двумя «фраерами».

– Эх, Павел, Павел! В разведке сила ничего не решает, там нужны люди другого плана. Там главное – смекалка, память, а также люди, которые умеют думать, хорошо ориентируются на местности.

– А он как раз из таких людей. Он – охотник, а значит, хорошо ориентируется в лесу и поле.

– Хорошо, убедил, зови его ко мне, буду разговаривать. Может, и согласится пойти в разведку.

Совместными усилиями им удалось подобрать восемь человек, которые согласились служить в батальонной разведке.

Утром их всех высадили из вагонов и направили на сборочный пункт, который находился в десяти километрах от города. Там всех бойцов, призванных из районов Татарии и города Казань, рассортировали по различным ротам. Тарасов со своим отделением разведчиков попал в разведывательный взвод мотострелкового полка. Впервые за все эти дни их плотно накормили кашей с тушеным мясом и повели в баню. Перед тем как направиться в моечное отделение, их всех остригли наголо. Вымывшись, они вышли из бани, и присели под плакучей березой.

– Тарасов! – окликнул его командир взвода. – Ко мне!

Александр вскочил на ноги и, поправив на себе гимнастерку, побежал к офицеру. Метра за три он перешел на шаг.

– Товарищ командир, сержант Тарасов, по вашему приказанию, прибыл.

– Скажите, Тарасов, вам приходилось стрелять из автомата?

– Так точно. Стрелял из ППШ.

– Тогда возьмите своих людей и получите у капитана Васильева автоматы на все отделение. Пока я буду в штабе полка, вы проведите занятия с личным составом по изучению материальной части. Вы их должны обучить стрельбе из этого вида оружия. Задача ясна?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – отчеканил Александр.

Взяв с собой несколько человек, он направился к капитану Васильеву, чье хозяйство располагалось недалеко от их батальона. Около склада с боеприпасами и вооружением стояли бойцы. Они на какой-то миг исчезали за огромными воротами, а затем появлялись вновь, кто с винтовкой, а кто-то и без нее. Он заглянул в ворота. Посреди двора стояла грузовая автомашина, в кузове которой, в длинных зеленых ящиках, поблескивая на солнце, рядами лежали винтовки.

– Товарищ старшина! А почему мне не дали винтовку? – спрашивал старшину новобранец.

– А ты стрелять из нее можешь? Что молчишь? Вот когда научишься, тогда и получишь. Как нам на складе говорил майор, задача бойца добыть оружие в бою. Так что соображай немного. Убьют товарища, возьмешь винтовку у него.

– Но как я пойду в бой без оружия?

Старшина грозно посмотрел на бойца, но вытащил винтовку из ящика и протянул ее красноармейцу. Тот радостно улыбнулся и быстро выскочил за ворота.

К вечеру батальон построили на плацу и зачитали приказ. Последовала команда, и рота за ротой, молча, направились на вокзал, где стали грузиться в теплушки.

– Товарищ командир отделения! Вот вы скажите мне, как же мы будем воевать с немцами, если у нас выдают одну винтовку на двоих и ту без патронов?

Вопрос Романова был столь неожиданным для Тарасова, что он на какой-то миг впал в ступор. Десятки глаз бойцов впились в него, словно пики, ожидая, что он ответит.

– Вот что, рядовой Романов! Вы прекратите все эти разговоры. Если вам себя не жалко, то пожалейте своих товарищей. Вы знаете, что бывает за подобные разговоры в военное время? Если не знаете, то я вам могу популярно объяснить. Это – трибунал, стена и яма. Я запрещаю вам вести пораженческие разговоры среди бойцов отделения. Я не посмотрю на то, что вы мой земляк... – он не договорил до конца, так как понял, что Романову и так было все ясно.

– Я неправильно что-то сказал, товарищ сержант?

– Не нужно чесать там, где не чешется. Люди и так все видят и все понимают без твоих вопросов и моих ответов. Понял?

Павел отошел в сторону. Он обиженно посмотрел на Тарасова. Его тонкие от природы губы вытянулись в нитку.

«Похоже, я его сильно обидел, – подумал Александр. – Да, Бог с ним. А если этот разговор услышат люди из особого отдела? Тогда нравочениями от них не открутишься. Они вмиг осудят и к стенке».

Незаметно пролетели сутки. Поезд замедлил свой бег, а вскоре и вовсе встал. Тарасов поднялся с места и подошел к двери теплушки. Он отодвинул ее и стал вглядываться в темноту, стараясь разглядеть хоть что-то, напоминающее железнодорожную станцию. Однако темнота была такой густой, что он ничего не увидел. Состав постоял минут тридцать и снова тронулся.

«Наверняка, что-то с путями, – подумал Александр, разглядывая в темноте разрушенные строения и скелеты сгоревших вагонов. – Похоже, это результаты немецкого налета на станцию».

Он оказался прав. За пять часов до прохождения их состава звено немецких бомбардировщиков Ю-88 уничтожили на этом перегоне все постройки и разворотили все железнодорожные пути. Только усилиями саперного батальона командования фронта удалось в сравнительно рекордное время восстановить железную дорогу. Александр задвинул дверь и вернулся на место. К нему подсел Павел и, словно извиняясь, коснулся его локтя.

– Товарищ сержант! Вы на меня не обижайтесь, пожалуйста. Вы только не подумайте, что я вас специально провоцировал на этот разговор.

– Ты тоже на меня не обижайся, Романов. Сейчас война, и за ведение подобных разговоров, знаешь, что бывает. Хорошо тебе, ты один, а у меня семья. Я не хочу просто так погибать, а особенно, как враг народа.

Павел достал из кармана пачку папирос и протянул Тарасову.

– Давайте покурим. Не знаю как вам, но мне почему-то не по себе. Я тоже, как и вы, видел эту разбитую станцию. Выходит, фронт недалеко.

– Вот что я тебе посоветую, Павел. Ты меньше думай об этом и раньше времени не хорони себя. Сейчас для нас главное – пережить рассвет.

– Это почему?

– Ты же сам видел, что они сделали со станцией? Ну, с той, около которой останавливался наш состав? Вот это они могут сделать и с нашим составом. Предупреди бойцов из отделения, чтобы в случае налета выполняли то, что буду делать я.

– Все понял, товарищ сержант.

– Раз понял, тогда иди, отдыхай, пока есть возможность.

Тарасов положил под голову свой вещевой мешок и закрыл глаза. Заснул он быстро. Ему снился сон, где он и его маленькие дети отдыхают на берегу Волги. Солнце искрится в небе.

гающих волнах, где-то вдалеке раздается шум мотора. Это к берегу причаливает маленький речной трамвайчик, из которого по трапу сбегает люди, решившие, как и он, отдохнуть на этом живописном берегу реки.

Проценко нервно ходил из угла в угол, меря комнату шагами. Вчера он получил шифровку из Берлина. Его немецкие хозяева проявляли беспокойство по поводу провала операции по взрыву железнодорожного моста через реку Казанку. Он остановился и выглянул в окно, где дворовая собака, гремя цепью, бросалась на незнакомого мужчину.

«Интересно, кто это?» – подумал он, наблюдая за незнакомцем, который, размахивая портфелем, пытался отбиться от собаки. Из дома вышла хозяйка и о чем-то спросила мужчину. Схватив руками цепь, она дала возможность мужчине выйти за ворота дома. Иван вышел в прихожую и, увидев хозяйку, поинтересовался, к кому приходил мужчина.

– Это фининспектор. Он наш дом перепутал с домом Федоровых, они живут вон в соседнем доме, – ответила хозяйка и скрылась за дверью своей комнаты.

«Эх, Ваня, Ваня, – укоризненно подумал он. – Если так и дальше пойдет, ты или с ума сойдешь от страха или сам добровольно сдашься чекистам. Чего ты испугался? У тебя надежная легенда и документы. Так что оставь свои страхи, пусть другие тебя боятся, а не ты их».

Он вернулся в комнату и сел за стол. Он снова обратился к своим размышлениям.

«Что им ответить? Из-за чего произошел этот прокол?»

Он снова заметался по комнате, пытаясь найти ответ. Вся эта операция изначально протекала без сучка и задоринки, и вдруг все пошло прахом. Неделию назад бесследно исчез агент «Хмурый». Со слов его молодой жены, он утром ушел на работу, с которой так и не вернулся. Проценко остановился посреди комнаты и, достав из надорванной пачки папиросу, прикурил.

«Неужели провал? Если Хмурого взяли чекисты, то он обязательно выведет их еще на двоих. Следовательно, он сам тоже находится под возможным ударом, – подумал он. – Выходит, нужно менять адрес. Попробую пожить у Зои, а затем найти себе квартиру».

Побросав вещи в чемодан, он вышел через черный ход. Осмотревшись по сторонам, он направился вдоль улицы, которая была пуста. Иван не любил пустоты, она его пугала. С другой стороны, сейчас это устраивало его, так как он легко мог обнаружить за собой слежку. Он еще раз оглянулся, посмотрел на дом, в котором прожил более двух месяцев, и быстрым шагом направился в сторону Ягодной Слободы.

Он вовремя заметил военный патруль и укрылся в подворотне частного дома. Когда патруль исчез за поворотом улицы, он снова продолжил свой путь. Около льнокомбината его нагнал очередной патруль.

– Ваши документы, – произнес офицер, со шпалой в петлице гимнастерки. – Куда следуете?

Проценко порылся в кармане и вытащил документы. Он, молча, протянул их капитану. Тот внимательно просмотрел их и, прежде чем вернуть обратно, задал вопрос:

– Вы почему, гражданин Проценко, не на фронте?

– У меня «белый билет», товарищ капитан. Больной я, туберкулез у меня в открытой форме, – ответил Иван и протянул офицеру медицинскую справку.

Капитан прочитал ее и снова посмотрел на Проценко.

– У вас вполне здоровый вид, и я бы никогда не подумал, что вы больны туберкулезом.

– Это потому, что перед самой войной я вернулся с курорта. Если бы вы меня до этого видели, тогда бы у вас ко мне вопросов не было.

– Куда идете, гражданин Проценко? Что у вас в чемодане?

– Вот решил перебраться к сестре. Она живет в Академической Слободе. Транспорт сейчас не ходит, наверное, придется идти пешком. Скажите, товарищ капитан, чем вызвана эта проверка, я же не военнотружущий?

– Три дня назад мы совместно с чекистами задерживали вражеского лазутчика. Он здесь недалеко проживал – в Адмиралтейской Слободе около Дудоровского садика. Отстреливаться гад начал.

Сердце Проценко громко застучало.

– Ушел? – невольно воскликнул он.

– Где там, застрелили его чекисты. Вот, возьмите документы. Вы свободны.

Проценко взял в руки документы и сунул их в карман пиджака. Он сделал несколько шагов и почувствовал, что вся рубашка на спине стала мокрой.

«Вот почему Хмурый не вышел на связь. Выходит, он убит. Значит, его жена включена в игру чекистов, поэтому она и сообщила мне, что он пропал. Ждут, когда к нему придет кто-то из его людей, а там, наверняка, засада, – подумал Иван. – Сейчас нужно пройтись по цепочке, проверить, кто еще взят чекистами. Самому нельзя, нужно послать Свища. Он трижды судим, хорошо знает город, осторожен, а самое главное, что он не знает меня. Если и запалится, большой потери не будет. А впрочем, о чем это я? А вдруг цепочка цела? Нервы, Ваня, нервы. Пока все нормально и не нужно суетиться».

Он медленно развернулся, посмотрел на спины удаляющегося патруля и направился дальше.

Свищ вошел во двор и, остановившись у арки, закурил. Он повел глазами по окнам нужного ему дома и сразу увидел то единственное, из-за которого проделал этот длинный путь. На широком подоконнике стоял цветок герани.

– Дяденька! Оставь покурить, – обратился к нему мальчишка лет восьми. – Не будь жмотом!

– Что ты сказал, шкет! Маленький еще курить, – назидательно произнес он. – Будешь курить, совсем не вырастешь.

Мальчишка обиженно надул губы и отошел в сторону.

– Слышь, пацан! Подойди сюда, – позвал он мальчишку. – Вот возьми, докури. Ты жильцов из одиннадцатой квартиры знаешь?

Мальчишка, молча, кивнул головой, выпуская струю беловатого дыма.

– Скажи, они сейчас дома? Сбегай, посмотри. Если дома, то я сгоняю в магазин за бутылкой и пойду в гости. Ну, а если нет, то придется прийти в следующий раз.

Пацан сделал еще две затяжки и, бросив папиросу на землю, пулей полетел в подъезд.

– Дома они, дяденька, дома. Тетя Валя стирает, а дядя Гриша пьяный спит.

– Вот тебе и сходил в гости. Пришел, а хозяин – пьяный. Не буду людей отрывать от дела, зайду позже, – произнес Свищ и, повернувшись, вышел со двора и направился вдоль улицы. За день он обошел все адреса, которые указал ему его товарищ. Все они были чисты, ни милиции, ни чекистов. Узнав об этом, Проценко обрадовался.

За два дня до начала войны Иван, как всегда, совершал осмотр ходовой части грузовых вагонов. Около одного из вагонов он заметил мужчину, который фомкой взламывал навесной замок на двери пультмановского вагона.

«Вор, – подумал про него Проценко. – Если бы не в мою смену, то можно было сделать вид, что ничего не произошло, и пройти мимо. А так могут предъявить обвинение в халатности. Что ни говори, а государственная собственность. За нее по головке не погладят».

Иван дождался, когда тот сбросил на землю набитый товаром мешок, и направился в его сторону. Мужчина выпрыгнул из вагона и, подобрав мешок, отошел с ним метров на пять.

Проценко вышел из-за вагона так неожиданно для мужчины, что тот выронил из рук мешок и присел на корточки.

– Воруешь, сволочь? Нехорошо. Ты знаешь, что за это бывает? – словно учитель, произнес Проценко. – Если не знаешь, могу просветить.

Он не успел договорить, как мужчина выбросил руку с ножом в его сторону.

– Не подходи, сука, порежу! – прохрипел мужчина и ткнул ножом, стараясь угодить ему в горло.

Однако реакция Ивана не подвела. Он ловко увернулся от этого выпада противника и, перехватив его руку, поймал на контрприем. Мужчина упал на гравий и застонал от боли. Незнакомец попытался вывернуться, но Проценко еще сильнее надавил ему на плечо.

– Убью, сука! – заревел, словно раненый зверь, поверженный им мужчина. – Убью!

– Что же ты, гражданин хороший, с ножом на меня? Если бы я захотел тебя сдать милиции, то сделал бы это давно. Видишь сам, я этого не сделал.

– Отпусти руку! Клянусь свободой, что ничего не сделаю!

– Я в этом и не сомневаюсь. Если дернешься, то убью сразу на месте. Понял?

Мужчина кивнул головой. Иван освободил его руку и помог подняться с земли. Незнакомец встал на ноги и посмотрел на него, еще не понимая, почему этот железнодорожник вдруг отпустил его, а не передал сотрудникам милиции.

– Зачем полез в вагон? Ты же знаешь, что здесь охрана? Ладно, попал на меня, а если бы угодил на охранника, то давно бы лежал здесь с простреленной головой.

– Глупые вопросы задаешь, мужик, – сплевывая на землю, произнес незнакомец. – Кому не нужны деньги, разве что столбу, потому что не пьет и бегать в магазин не может.

– Вот что, забирай быстро свой мешок и вали отсюда. Советую тебе в следующий раз поменять место своего «скока», если, конечно, тебе дороги свобода и жизнь. Во второй раз счастье может пролететь мимо тебя. Предлагаю вечером встретиться за кружкой пива. Поговорим о жизни, о деньгах, может, что-то и замутим с тобой стоящее. Ресторан «Прибой» знаешь? Вот и хорошо. Приходи часов в семь вечера, я буду там.

Мужчина поднял мешок и, согнувшись под его тяжестью чуть ли не пополам, исчез под вагонами товарняка.

Иван Проценко сидел за дальним столиком ресторана и мелкими глотками пил холодное и вкусное пиво. Иногда он бросал свой взгляд на посетителей, стараясь вычислить среди этих людей возможных сотрудников НКВД. Своего знакомого он узнал сразу, когда тот еще переходил улицу. Мужчина вошел в зал и, оглянувшись по сторонам, быстро нашел глазами Проценко и направился к нему. Сняв с головы поношенную кепку, он положил ее на свободный стул и внимательно посмотрел на Ивана.

– Может, познакомимся? – предложил Проценко. – А то как-то неудобно разговаривать без имени и отчества.

– Павел, – представился мужчина. – Лабутин Павел.

– Иван, – коротко бросил он. – Пиво будешь?

Лабутин кивнул головой и настороженно оглядел зал и сидевших за столами людей.

«Не доверяет. Страхуется, – сразу догадался Проценко. – Все правильно. Я бы тоже не поверил незнакомцу, который так запросто пригласил меня в ресторан».

– Не крути головой, а то сорвешь резьбу, – как бы, между прочим, произнес Иван. – Место здесь тихое, проверенное. Ты что, Павлуша, решил, что я тебя пригласил сюда, чтобы сдать операм? Скажи, зачем мне это? Кстати, я тебя не спросил, ты – сыт?

– Не откажусь, – уже более спокойным голосом ответил ему Лабутин. – Давно я не был в ресторанах. Отвык.

Проценко улыбнулся. Ему нравился этот человек с синими от наколок кистями рук. Иван знаком руки пригласил официанта и заказал ужин на две персоны.

– Давно откинулся? – поинтересовался он. – Где чалился?

– Месяц назад из Воркуты. Хотел по прибытию устроиться на работу, да никуда не принимают с судимостью.

– Давай, Павлуша, выпьем. Что мы все о работе? Пусть лошадь работает, а не мы. Кстати, судя по синеве твоих рук, ходок у тебя несколько, да и, внешне, ты на маленького мальчика не похож.

Лабутин взглянул на свои кисти и убрал их со стола на колени. Иван разлил водку по рюмкам, и они, не чокаясь, выпили, запив ее пивом. Официант поставил на стол тарелки с закусками и отошел в сторону.

– Что молчишь, Павлуша? Вижу, что тебя так и распирает спросить меня о деньгах? Разве я не прав? – неожиданно для Лабутина обратился к нему Проценко.

Павел промолчал. Он был удивлен, что этот мужчина, сидящий напротив, так легко читает его мысли. Чтобы скрыть свое удивление, он сунул руку в карман пиджака и достал из него пачку папирос.

– Чего молчишь? Деньги, Паша, в банке, а я не Рокфеллер, чтобы раздавать их каждому, кто в них нуждается, – продолжил Иван. – Ты сам знаешь, деньги на земле не валяются, их нужно зарабатывать. Ты вот скажи мне, дорогой мой человек, у тебя есть надежные друзья? Такие товарищи, которым ты веришь, на кого надеешься?

Лабутин отложил в сторону вилку и пристально посмотрел на Проценко.

– Ну а сам, как думаешь? Почему же нет? Есть надежные кореша, которых знаю не один год. Со многими из них чалился на зонах. А для чего тебе, Ваня, мои друзья?

– Для дела, Павлуша. Есть большое дело, и его можно сделать лишь с хорошими и проверенными товарищами. Я человек новый в этом городе, друзей у меня здесь нет. А тут вдруг ты нарисовался, как черт из табакерки. Не буду темнить, я бы попробовал сам, но чувствую, что одному мне его не поднять, нужны надежные люди.

– Что за дело? – охрипшим от волнения голосом тихо спросил Лабутин. – Магазин, склад или что-то другое?

– Ты не ямщик, и поэтому не гони, Павел. Всеу свое время. Могу сказать лишь одно, что дело стоящее. Камушки, золото, колечки...

Они снова выпили и закурили.

– Вот возьми деньги, это аванс. Просто не хочу, чтобы ты снова полез в вагоны. На первое время хватит, а там посмотрим. А пока подбери ребят. Когда подберешь, тогда и поговорим о самом деле. Чем быстрее это произойдет, тем лучше. Кстати, мне нужна комната, может, что-то посоветуешь?

Павел приподнял лежавшую на стуле кепку и увидел под ней пачку денег, аккуратно перетянутых тонкой бечевкой.

– Я надеюсь, что для начала хватит. Встретимся через неделю здесь. А сейчас, пей и ешь, за все заплачено.

Проценко поднялся из-за стола и направился к выходу.

Тарасов проснулся от сильного толчка, он схватился руками за края нар и смог удержаться и не упасть на пол. Он открыл глаза и увидел, как спящие бойцы, словно манекены, слетают со своих лежаков и валятся в кучу на грязном полу. Александр мгновенно все понял и, схватив с настила свои вещевой мешок и автомат, устремился к двери, за которой то и дело

появлялись вспышки взрывов авиабомб. Следом за ним из вагона стали выпрыгивать и другие бойцы его отделения. Он вскинул голову и увидел немецкие самолеты, которые шли на второй заход.

– Всем в лес!!! – закричал он и призывно махнул им рукой. – В лес!!!

Впереди, в метрах пятидесяти от него, выросли несколько огненных кустов. Одна из бомб угодила в платформу, на которой стоял спаренный зенитный пулемет. Дым и пламя мгновенно окутали платформу. Рядом с ним упала чья-то оторванная взрывом нога. Он приподнялся с земли, чтобы сделать очередную перебежку, и сразу заметил, как, виляя из стороны в сторону, к нему бежали Романов и еще несколько бойцов. Часть молодых бойцов, вывалившихся из соседнего вагона, сбились в кучу и, закрыв от страха глаза, не знали что делать. Александр вскочил на ноги и бросился к ним.

– В лес, ребята!!! Всем в лес!!! – закричал он и в какой-то момент понял, что окончательно сорвал голос.

Кто-то, послушав его, бросился вслед за ним в лес. Другие металась по полю, срезаемые пулеметными и пушечными очередями самолетов. Сколько это продолжалось, Тарасов точно не знал. Время для него потеряло свою физическую значимость и превратилось в небольшие промежутки между заходами самолетов. Немецкие штурмовики и истребители, словно на параде, крутили над головами обезумевших от страха людей «карусель», совершая один заход за другим. Прошло еще минут пять, показавшихся Тарасову целой вечностью. Расстреляв весь боезапас, самолеты издевательски покачали крыльями и исчезли за лесом. Стало тихо. Отчетливо было слышно, как трещат в огне деревянные теплушки, истошно кричат раненые. На насыпь поднялся офицер и хриплым голосом прокричал.

– Стройся!

Тарасов отряхнул с колен сухие елочные иголки, поправил гимнастерку и зычно продублировал команду командира роты. Все живые и легкораненые бойцы стали медленно подниматься с земли и направляться к месту построения. Командир батальона, майор Малышев, раненый в руку, обошел строй. Потери были ужасны. Батальон, еще не успевший вступить в бой с противником, потерял более половины личного состава.

– Как фамилия, сержант? – спросил он Тарасова, остановившись напротив него.

– Сержант Тарасов, командир отделения разведки.

– Потери в отделении есть?

– Нет, товарищ майор! Бойцы вовремя укрылись от бомбежки в лесу.

Он повернулся к командиру роты, старшему лейтенанту Окуневу, и, указав пальцем на Александра, произнес:

– Вот вы мне скажите, товарищ старший лейтенант, почему отделение Тарасова не понесло потерь? Что молчите? Тогда я скажу вам. А все потому, что он вовремя подал команду, чтобы его бойцы укрылись в лесу. Почему другие командиры рот и взводов не подали подобные команды? Вот если бы все так поступили, то батальон бы не понес таких потерь.

Он повернулся в сторону стоявших недалеко от него командиров. Те мгновенно вытянулись в струнку и стали «есть» глазами комбата. Снова последовала команда, и вдвое поредевший батальон двинулся на запад пешим строем, оставив на месте бомбежки санитаров. Где-то вдали еле слышно гудела канонада. Солдаты шли, молча, многие еще не отошли от авиационного налета, вида крови и трупов своих товарищей. Иногда они останавливались и прислушивались к доносившимся раскатам канонады. Неожиданно колонна остановилась. Тарасов вышел из строя и посмотрел вперед. Около штабной «Эмки», которая появилась откуда-то со стороны поля, стояли несколько офицеров, в том числе и их комбат. Недалеко от легковушки стояли броневик и пара мотоциклов.

– Командиры рот! – крикнул один из офицеров осипшим голосом. – Ко мне!

Старший лейтенант Окунев, придерживая левой рукой полевую сумку, стрелой устремился к нему. Он приложил руку к фуражке и четко доложил о численном составе роты. То ли доклад ротного не понравился ему, то ли еще что-то, но лицо офицера исказила недобрая гримаса. Батальон затих, слова офицера, а это был полковой комиссар Мельников, словно гвозди, легко входили в сознание стоявших солдат.

– Какой полк! – закричал он на комбата. – Вы что не знаете, майор, что немецкие танки прорвали фронт и сейчас движутся в сторону Киева?

Комбат явно был растерян и не знал, что ответить столь высокому начальнику.

– Я приказываю вам, майор, окопаться на опушке леса и сделать все, чтобы сдержать на этом рубеже немецкие танки!

– Товарищ комиссар! – попытался возразить ему Малышев. – Чем мне сдерживать немцев! У меня одна винтовка на три бойца, и та – без патронов. Вооружение и боеприпасы нам должны были выдать по прибытию в полк!

– Ты что, майор! Плохо слышишь или захотел под трибунал? Хорошо, я оставляю вам для усиления батальона свой броневик.

Комиссар сел в автомашину, и она направилась на восток, откуда двигался батальон.

Весь остаток дня батальон зарывался в землю. К вечеру в распоряжение роты прибыли несколько полуторок, которые привезли недостающие винтовки, патроны, гранаты, бутылки с зажигательной смесью.

– Тарасов, к ротному! – крикнул связной и, пригнув голову, побежал дальше по траншее. Поправив на себе гимнастерку, Александр направился к старшему лейтенанту Окуневу.

– Ну как дела, Тарасов? Окопались?

– Плохо, товарищ старший лейтенант. Грунтовые воды слишком близко. На штык входил в землю, а там уже вода. Бойцы укладывают на дно еловые ветви, но это от воды не спасает. Все мокрые и голодные.

– Знаю, Тарасов, знаю. Зато танки здесь не пройдут, это точно.

– Они здесь и не пойдут, товарищ старший лейтенант. Тут хорошая дорога в двух километрах от нас. Они тоже не дураки, чтобы лазить по этим болотам.

– Вот что, Тарасов. Бери свое отделение и вперед. Посмотрите, понюхайте, что там впереди нас делается? Если заметите немецкую разведку, в бой не вступайте. Не нужно раньше времени демонстрировать им наши позиции.

– Есть, товарищ старший лейтенант.

Александр вернулся обратно и, взяв с собой, пять человек, направился в сторону дороги, откуда доносился гул моторов. Идущий впереди боец, старый охотник, неожиданно поднял руку. Солдаты остановились и залегли. Прошли минуты три, и на поляну выкатилась группа немецких мотоциклистов. Один из немцев поднес к глазам бинокль и стал указывать остальным солдатам на что-то рукой. Один из немцев вынул из люльки снайперскую винтовку и, прицелившись, выстрелил. До разведчиков долетели веселые гортанные крики немцев. Стрелявший солдат положил в люльку винтовку и побежал в их сторону. Не добежав до них метров сорок, он нагнулся и, подняв с земли убитого им зайца, с веселым радостным криком побежал обратно.

«Похоже, разведка, – решил Тарасов. – Видишь, как смеются и резвятся, словно дети. Считают себя хозяевами положения и поэтому ведут себя с такой наглостью. Не догадываются, что в ста метрах от них русская разведка, в которой каждый мечтает уничтожить их».

Александр посмотрел в сторону, откуда до него донесся шорох. Среди кустов он заметил фигуру Павла. Немцы, оставив мотоциклы в стороне, сбились в кучу и стали что-то обсуждать. Один из них достал из полевой сумки карту и, разложив ее на пеньке, начал что-то говорить

одному из солдат. Закончив объяснять, он убрал карту обратно в сумку и, расстегнув китель, лег на землю. Тарасов перевел взгляд на другого немецкого солдата, который сел на пенек и стал снимать сапоги. Не обращая ни на кого внимания, он начал что-то вытряхивать из них. Лучшего момента для нападения нельзя было и придумать. Тарасов махнул рукой, и разведчики поползли в сторону отдыхающих на солнце немцев. Когда до них осталось метров двадцать, красноармейцы выскочили из кустов и, сделав бросок вперед, навалились на немцев. Нападение было столь стремительным, что гитлеровцы впали в ступор. Через секунду группы сошлись в смертельной схватке. Ни та, ни другая сторона не стреляла. Обе стороны дрались отчаянно, круша головы своих врагов прикладами автоматов и саперными лопатками.

Тарасов ударом приклада в лицо опрокинул одного из немцев на землю. Солдат заверещал что-то на своем языке и, вскочив на ноги, выхватил из ножен нож. Он бросился на Александра, выставив нож перед собой. Немец успел сделать всего два шага, когда его лицо исказилось от боли. Романов, оказавшись у него за спиной, со всей силы ударил его саперной лопаткой по ней. Солдат сломался пополам и повалился на землю. Оттащив убитых немцев в кусты, разведчики стали собирать разбросанное по поляне оружие.

– Романов! – крикнул ему Тарасов. – Собери у мертвых документы. Не забудь забрать полевую сумку.

Они загнали мотоциклы в кусты и забросали их ветками.

– Товарищ сержант! Может, подождем мотоциклы? Не оставлять же немцам технику?

– Отставить, – тихо произнес Александр, направляясь в сторону окопавшегося батальона.

Прибыв в расположение роты, он доложил старшему лейтенанту о стычке с немецкой разведгруппой и выложил ему на стол изъятые у немцев документы и полевую сумку. Старший лейтенант с интересом стал рассматривать документы убитых врагов.

– Сержант! Ты случайно не знаешь немецкого языка? Интересно, что там у них написано?

– Нет, товарищ командир. У меня всего три класса церковно-приходской школы.

– Ты знаешь кого-нибудь из наших бойцов, кто владеет этим языком?

Александр пожал плечами.

– А где они на вас напоролись? Покажи мне на карте, где это произошло?

– Я плохо знаю карту, товарищ старший лейтенант. Могу лишь сказать, что это произошло в километрах четырех на северо-запад от этого места. Там еще небольшая низина и озеро, около которого, в кустах, мы и заметили их.

Ротный снова склонился над картой. На какой-то миг он оторвался от нее и посмотрел на Тарасова, который продолжал стоять недалеко от него.

– Что еще у тебя, сержант?

– Товарищ командир, разрешите мне оставить у себя трофейный автомат, а свой я оставлю вам.

– А что так? Чем тебе не нравится наш автомат?

– Он тяжелее немецкого, да и патронов я у них набрал достаточно много.

Он указал рукой на пояс, на котором висели два кожаных чехла с автоматными магазинами.

– Хорошо, оставь мне свой ППШ, а этот забирай, я не против этого.

Тарасов вышел из землянки и направился в расположение отделения, где бойцы, сидя в траншее, с нескрываемым интересом рассматривали немецкие автоматы.

Ночь прошла относительно спокойно. Гул канонады, доносившийся с запада, переместился куда-то в сторону и теперь звучал там, где проходила железная дорога. Из-за леса выгля-

нуло солнце. Висевший над полем туман начал потихоньку таять. Солдаты медленно потянулись к полевой кухне, гремя котелками и ведя ни к чему не обязывающие разговоры.

– Воздух! – послышалась команда.

Солдаты, наученные горьким опытом, словно горох, рассыпались по лесу. Из-за леса показалась большая группа немецких бомбардировщиков, которую сопровождали около десятка юрких истребителей М-109. От группы отделилось одно звено Ю-87 и, упав на крыло, стало пикировать на наши полупустые траншеи. Один заход следовал за другим. Отбомбившись, они издевательски, чуть ли не касаясь вершин сосен, прошли над головами красноармейцев и исчезли где-то на западе.

Тарасов поднялся на ноги. Он стряхнул с себя землю и посмотрел на большую воронку от бомбы, которая дымилась в метрах пятнадцати от него.

– Пронесло. Слава тебе, Господи, – тихо прошептал он. – Видимо, еще не суждено мне было погибнуть от этой бомбы.

Несмотря на антирелигиозную пропаганду, которую вело советское правительство накануне войны, он до сих пор носил на шее медный крестик, который достался ему от умирающей матери. Испугавшись своих мыслей, он невольно посмотрел по сторонам, словно кто-то другой мог прочитать их. Однако, судя по лицам солдат, его мысли о Боге никого из них не интересовали. По траншее и по полю побежали санитары с носилками и стали выносить из покореженных бомбежкой окопов тяжелораненых солдат, чтобы погрузить их на гужевые подводы. Легкораненые бойцы шли в медсанбат самостоятельно. Отделение разведчиков, которым командовал он, в этот раз тоже понесло потери. Одна из бомб накрыла окоп, в котором, скрываясь от бомбежки, прятались трое его бойцов.

– Романов! Возьмите людей, лопаты и похороните бойцов. Документы отдайте младшему политруку, он – вон в той землянке, – произнес Александр и указал на землянку, в которой был политрук. – Он и напишет похоронки им домой.

Павел кивнул, и вскоре он и трое солдат его отделения стали копать одну общую могилу. Тарасов, забросив автомат за плечо, направился к землянке ротного.

– Тарасов? А я за тобой уже хотел посылать бойца. Ты знаешь, погиб командир второго взвода, лейтенант Газаев, так что принимай его взвод.

– Товарищ старший лейтенант! Извините меня, но я никогда не командовал взводом, – удивленно произнес он. – Вы же знаете, у меня и образования-то нет.

– Сейчас, Тарасов, мне не до того, кто и кем командовал. Это – приказ. Понял! У тебя есть боевой опыт, которого нет у многих наших командиров.

– Есть принять второй взвод, – без особого энтузиазма произнес Александр.

При выходе из блиндажа он столкнулся с капитаном Гатиным, начальником связи батальона. Остановив рукой Тарасова, он произнес:

– Я только что от комбата. Он просил передать вам приказ, что отходим. Немцы час назад заняли станцию, это в пяти километрах от наших позиций. Нужно сворачиваться быстро, а иначе можем оказаться в тылу у немцев, а это – окружение.

– Я что-то вас не понял, товарищ капитан? – удивленно воскликнул ротный. – Как взяли станцию? Куда отходить?

– Я тоже не знаю, как они это сделали, но станцию они взяли. Мне он сказал, что немцы были переодеты в форму наших солдат. Ты слышал приказ комбата? Поднимай взвод, отходим!

Александр вышел из землянки, стараясь понять, что произошло, и почему их батальон, не вступив в бой с передовыми частями противника, должен спешно отходить, чтобы не оказаться в окружении.

– Второй взвод, стройся! – громко выкрикнул он.

Когда бойцы построились, он вышел на середину строя. Представившись им новым командиром взвода, он обошел строй. От первоначального состава взвода в строю остались всего тридцать шесть бойцов.

«Немного, – подумал он. – Интересно, как поведут себя в бою эти молодые необстрелянные ребята?»

Он тут же отбросил эту мысль и громко скомандовал:

– Взвод, шагом марш!

Строй медленно двинулся туда, откуда они пришли два дня назад.

Первый бой батальон принял недалеко от деревни Козий Рог. После небольшой артподготовки немцы предприняли попытку выбить батальон с господствующей высотки. Подразделению, лишенному артиллерийского прикрытия, было трудно сдерживать натиск превосходящего в силе врага и, когда на поле появились немецкие танки, солдаты сначала стали пятиться назад, а затем хаотично отходить в сторону ближайшего леса, бросая на ходу оружие. Немецкие танки, рассыпавшись по полю и не встречая практически никакого сопротивления, стали гонять остатки батальона по открытому пространству, где невозможно было укрыться от разящего огня танковых пулеметов и пушек. Окончательно рассеяв батальон, немцы не стали преследовать его остатки, которые укрылись в небольшом лесу, и двинулись дальше на восток.

Тарасову с уцелевшими бойцами своего взвода удалось укрыться в овраге, где, сидя на пне, он обдумывал план дальнейших действий. Рядом с ним сидели пять бойцов, двое из которых были без оружия.

– Где ваше оружие? – повернувшись к ним, спросил он.

Солдаты встали с земли и виновато опустили глаза.

– Вы знаете, что бывает с теми, кто бросает во время боя оружие? Раз молчите, значит, знаете. Чего стоите, идите и без оружия не возвращайтесь. Мне трусы не нужны. Приказ понятен?

Красноармейцы переглянулись между собой и быстро исчезли за кустами. Где-то наверху раздались радостные голоса. Александр поднялся с земли и посмотрел в ту сторону, откуда они доносились. Он невольно обрадовался, когда увидел старшего лейтенанта Окунева с небольшой группой солдат, которым, как и им, повезло уцелеть в этой мясорубке. Командир роты присел рядом с ним на землю и, достав из кармана галифе пачку папирос, протянул Тарасову.

– Сколько с тобой бойцов? – спросил он.

– Со мной шесть. Двоих отправил в поле за оружием.

– И со мной двенадцать. Значит, всего нас восемнадцать.

– Неужели все погибли? А комбат?

– Майор погиб у меня на глазах. Его подмял под себя танк, когда он пытался помочь раненому солдату. В отношении остальных, не знаю. Может, погибли или бродят где-то по лесу. Давай, сержант, с часок подождем, вдруг еще кто-то выйдет на нас.

Они закурили.

– Товарищ старший лейтенант, можно задать вам вопрос? Скажите, почему нас не поддерживала артиллерия? Вы же сами говорили, что их позиции недалеко от нас?

Окунев затаился и, выпустив дым в небо, тихо ответил:

– Не знаю, Тарасов. Их еще ночью подняли и перебросили в расположение второго батальона. Командир полка решил, что там наиболее слабое место в нашей обороне. А вот немцы почему-то посчитали по-другому, они ударили встык между нашими батальонами и легко провали оборону.

Он бросил окурок себе под ноги и раздавил его каблуком сапога.

– Товарищ старший лейтенант, выходит немецкие командиры умнее наших орденосцев? Ведь они ударили встык батальонов, туда, откуда ушла артиллерия?

Окунев испуганно посмотрел по сторонам, стараясь определить, слушают ли их разговор бойцы. Немного помедлив, он тихо произнес:

– Не знаю, что тебе сказать, Тарасов. Опыта у них, конечно, больше, чем у нас. Они уже, который год воюют? А мы? Вот и делай вывод сам.

Их разговор прервался из-за того, что они увидели, как двое наших солдат, которых Тарасов послал искать потерянное оружие, толкая прикладами винтовок в спину, гнали перед собой раненого в руку немца. Заметив командиров, они направились в их сторону.

– Товарищ старший лейтенант, вот захватили в плен немца. Эта сволочь ходила по полю и добивала наших раненых бойцов.

Ротный посмотрел на немца. Перед ними стоял молодой парень в возрасте чуть более двадцати лет, светловолосый, белозубый. Рукава его серо-зеленого кителя были засучены. Но самое главное – в его глазах отсутствовал страх. Немец скептическим взглядом смерил фигуру стоявшего перед ним советского офицера и, отвернувшись в сторону, сплюнул в траву. Окунев посмотрел на Тарасова и, вспомнив их предыдущий разговор о знании немецкого языка, обреченно махнул рукой.

– Отведите его к оврагу, – буднично произнес ротный. – В расход его.

Немец, по всей вероятности, понял, что это конец. Он оттолкнул от себя одного из солдат и, петляя среди деревьев, бросился бежать. Это произошло так неожиданно, что стоявшие рядом с ним солдаты растерялись. Ему уже удалось выскочить на поле, когда чей-то выстрел сразил его наповал. Он широко взмахнул руками и, сделав несколько неуверенных шагов, упал лицом в нескошенную рожь. Выстрел, словно вернул всех к действительности. Старший лейтенант приказал всем построиться и повел красноармейцев на восток.

Остаткам батальона под командой Окунева удалось догнать отступающий полк на второй день марша. Впервые за трое суток солдаты получили горячую пищу и возможность немного отдохнуть. Тарасов спал под елью, положив вещевой мешок под голову. Ему снились: дом, дети. Он проснулся от легкого прикосновения чьей-то руки. Александр открыл глаза и увидел Павла.

– Товарищ сержант, вас срочно вызывает ротный.

Он быстро вскочил на ноги и, расправив складки на гимнастерке, направился в сторону огромной ели, около которой стоял ротный. Рядом со старшим лейтенантом стояли еще несколько незнакомых ему военных в офицерской форме.

– Тарасов! Сдайте командование взводом лейтенанту Липатову.

– Есть сдать командование взводом. Только от всего взвода остались шесть человек.

Окунев усмехнулся. Он сразу понял, что Тарасов не знает, что в полк поступило пополнение.

– Кому сдавать взвод, товарищ командир роты?

– Лейтенанту Липатову. Вон он стоит рядом с грузовиком.

Александр посмотрел в сторону стоявшего грузовика и заметил молодого офицера, гимнастерка которого была подпоясана новым светло-коричневым ремнем. Потом он узнал, что все эти офицеры только нынешним летом окончили пехотное училище и буквально несколько часов, назад прибыли в батальон в качестве пополнения.

Лейтенант Липатов был маленького роста. Родом – из Саранска. На его худой шее громоздилась непропорциональная телу голова с большими оттопыренными ушами. Фуражка на его голове казалась довольно большой, и только уши не давали ей сползать на лицо.

– Ну что, пойдём, Тарасов! Показывай свое хозяйство, – деловито произнес он и направился вслед за ним. Александр построил остатки своего взвода и представил бойцам нового командира.

– Бойцы! – обратился к ним Липатов. – Товарищ Сталин и весь наш советский народ с замиранием сердца следят за обстановкой на Западном фронте. Народ не верит, что немцы сильнее нашей армии, и мы с вами обязаны подтвердить это. С сегодняшнего дня вы все должны понять и хорошо усвоить, что нам нет дороги на восток. Хочу предупредить каждого, кто без моей команды поднимется из окопа и побежит назад, будет расстрелян лично мной.

Он хотел сказать что-то еще, но, видимо, передумал. Он замолчал и посмотрел на стоявшего рядом с ним Тарасова. Солдаты стояли молча. Кто-то из второй шеренги тихо произнес:

– Мы еще посмотрим, кто из нас первый побежит.

Липатов услышал эту реплику. Он замер, лицо его стало похоже на мордочку хищного зверька. Он резко развернулся и направился к сказавшему эти слова бойцу.

– Фамилия? – с угрозой в голосе произнес он. – Повторите все, что вы сказали!

– Рядовой Сергеев, – осипшим от волнения голосом ответил боец. – А что я собственно сказал? Я ничего и никому не говорил!

– Выйдите из строя и сдайте оружие сержанту, – приказал он.

Побледневший Сергеев вышел из строя, молча, сунул в руки Тарасову свою винтовку и замер. Только теперь, похоже, до него дошло, что произошло.

– За ведение пораженческих разговоров вы арестованы, Сергеев. Пусть вашу судьбу решит трибунал. Я думаю, что это будет наглядным примером для каждого бойца. Каждый из вас, бойцов Красной Армии, должен хорошо знать и понимать, что бывает с предателями и паникерами в военное время.

Липатов отдал команду, и двое бойцов повели арестованного Сергеева в сторону штаба полка. Когда Липатов ушел к ротному, к Тарасову подошел Павел и сел рядом с ним.

– Товарищ сержант! Неужели Сергеева расстреляют? – спросил он. – Он же не немец, он – русский. Нельзя расстреливать людей за два высказанных слова.

Александр промолчал, так как не знал, что ему ответить. Наконец он сплюнул под ноги и, повернувшись к земляку, тихо ответил.

– Ты понял, Павел, что бывает с людьми за ведение подобных разговоров на войне. Так что придержи свой язык и не провоцируй других бойцов. За тобой тоже водится подобный грешок.

– Так я это, только с тобой на эту тему и говорил. Больше ни с кем, ей Богу, – с испугом пролепетал он, оглядываясь по сторонам, словно кто-то мог подслушать их разговор.

– Поэтому ты, Романов, до сих пор и жив. А сейчас иди, мне не до тебя.

Вечером командир роты построил бойцов на опушке небольшого леса. Рядом с ним стояли – новый взводный, старший политрук, новый командир батальона и какой-то лейтенант с нашивками НКВД. Сотрудник особого отдела громко зачитал приговор трибунала, после чего выстрелил Сергееву в затылок. Ноги бойца подкосились, и он, словно мешок с картошкой, упал в высокую траву. Строй стоял молча. Все были шокированы расстрелом товарища.

– Разойдись! – громко выкрикнул ротный.

Строй рассыпался. Бойцы собирались небольшими группками и вполголоса обсуждали смерть Сергеева. Минут через тридцать прозвучал новый приказ. Батальону предстояло выйти к селу Вишневое и оседлать дорогу, идущую на Киев. Батальон двигался часов пять, пока не последовал новый приказ. Сейчас батальону предписывалось занять оборону на высоте 14,7 и не пропустить на восток танки. Несмотря на полную темноту, бойцы стали окапываться. К утру траншеи были готовы, и солдаты, измученные переходом и работой, повалились спать.

Тарасов не сразу понял, где он находится, и что его толкает в плечо солдат из его отделения.

– Что случилось? – спросил он.

– Вас вызывает к себе командир роты.

Александр проследовал за ним до окопа Окунева.

– Тарасов, возьми с собой человек десять и выдвинься вперед. Вон, видишь тот небольшой пригорок в метрах пятидесяти от перекрестка. Вот там и окопайтесь. Это наиболее опасное направление для нашей обороны, и вам предстоит огнем двух пулеметных расчетов не дать возможности немецкой пехоте атаковать нас из этого небольшого лесочка.

Посмотрев на него, старший лейтенант продолжил:

– Я все понимаю. Люди смертельно устали, но это нужно сделать сейчас, потом будет поздно.

Тарасов козырнул и направился обратно в расположение своего взвода, чтобы через пятнадцать минут вновь приступить к рытью окопов.

Стояла жара. В августе бывают дни, когда дневная температура просто зашкаливает. Ярко-желтое солнце висело в зените и нещадно палило. В небе не было ни одного облачка. Красноармейцы, раздевшись по пояс, лениво ковыряли землю.

– Что раскисли! Копайте быстрее! Немцы не будут ждать, когда спадет жара, и с минуты на минуту могут появиться здесь, – командовал лейтенант Липатов, обходя огневые точки взвода.

Отрыв свой окоп, Тарасов лег на дно. Прохладная земля на какой-то миг вернула его к жизни.

«Много ли человеку надо, – невольно подумал он, наслаждаясь прохладой. – Пять минут передышки, и человек снова готов вгрызаться в эту украинскую землю».

К нему подошел боец и, стоя на краю бруствера окопа, окликнул его.

– Тарасов! Тебя вызывает командир роты.

Он выругался про себя и, поправив сбившуюся набок пилотку, направился в сторону блиндажа ротного.

– Товарищ старший лейтенант! Сержант Тарасов по вашему приказанию прибыл! – четко отпартортовал он, чем вызвал довольную улыбку у командира роты Окунева.

– Молодец, Тарасов! Сразу видно армейскую школу. Скажу больше, просто удивляюсь тебе, как ты в этой непростой обстановке сохраняешь чувство юмора и продолжаешь рапортовать так, словно мы не на войне, а на учениях. Что скажешь? Окопались?

– Да, зарылись в землю. Нам бы еще людей, товарищ старший лейтенант. Маловато нас, чтобы сдержать немецкую пехоту.

Тарасов еще раз посмотрел в сторону этого реденького лесочка, который находился в метрах двухстах от линии обороны его отделения. Он усмехнулся про себя, так как отлично понимал, что шансов выжить у его отделения, практически нет.

– Товарищ старший лейтенант! Скажите, что мы можем сделать с двумя пулеметами. Да они нас мгновенно подавят из минометов.

Лицо Окунева было спокойным, словно он не слышал Тарасова. Он явно не ожидал подобной просьбы от своего начальника отделения и поэтому не знал, что ему ответить. Он взглянул на взводного, который почему-то отвернулся в сторону, тем самым лишая себя ответственности за принимаемое ротным решение.

– Присаживайся, Тарасов, – произнес Окунев и пододвинул к нему табурет. – Надеюсь все, что я тебе сейчас скажу, останется между нами.

Тарасов сел на самодельный табурет и посмотрел на командира роты.

– Вчера третья рота второго батальона полным составом перешла на сторону немцев. Ушли не все, в основном – новобранцы, призванные из западных областей Украины, Белорус-

сии и наших восточных республик. Сейчас там работают люди из Особого отдела. Чем все это закончится, трудно сказать. Скажи мне, ты можешь гарантировать, что среди твоих людей нет предателей и агентов немецкой разведки?

Он замолчал и внимательно посмотрел на него.

– Гарантии раньше, товарищ старший лейтенант, давал лишь госстрах, и никто больше. Откуда я могу знать, что у каждого моего бойца на душе. Пусть этим занимается Особый отдел. Могу сказать лишь одно, если замечу, что кто-то из моих бойцов попытается уйти к немцам или побежит назад, расстреляю собственноручно.

Тарасов замолчал, ожидая, что скажет ему Окунев. Однако тот промолчал и снова посмотрел на взводного.

– Товарищ командир роты! Дайте мне людей для усиления огневой мощи отделения. Я же знаю, что вчера вечером к нам вышла группа красноармейцев из окружения. Дайте ее мне. А там будет видно, кто из них враг, а кто – нет, если, конечно, кто-то из них останется в живых. А по-другому, я с десятком бойцов вряд ли смогу долго удерживать эту позицию.

В блиндаж вошел политрук батальона и, сняв с головы фуражку, вытер носовым платком вспотевший лоб.

– Жара! Градусов тридцать, наверное, – произнес он и взглянул на Окуневу.

Командир роты посмотрел на политрука и в двух словах обрисовал ему ситуацию.

– Вы коммунист, сержант? – спросил он Тарасова.

– Нет, товарищ политрук. Беспартийный.

У политрука, похоже, пропал интерес к нему, как к человеку.

– Решай сам, Окунев. Здесь я тебе не советчик, – произнес политрук.

– Товарищ старший лейтенант! Я думаю, что если люди вышли из окружения с оружием в руках, то им можно доверять.

– Это ты брось, Тарасов! Я сейчас не могу ручаться ни за кого, даже за самого себя, а не то, что за этих людей. Ладно. Так и быть, забирай этих бойцов с собой. Отдаю под твою ответственность.

Тарасов козырнул офицерам и бегом направился к своему отделению.

Красноармейцы сидели небольшой группой и безучастно смотрели на то, как окапывается рота. Тарасов проследовал мимо них и, заметив Павла, направился к нему.

– Отделение, встать! Быстро сгоняй к пулеметчикам. Пусть следуют за нами. Мы будем окапываться вон там, – скомандовал Тарасов и указал Павлу на опушку лесочка.

– Товарищ сержант! Мы что-то никак не пойдем вас. То окапывайся здесь, то окапывайся там. Скажите конкретно, где нам окапываться. Разве не видите, что люди устали.

Тарасов подошел к Романову и молча, схватил его за ворот гимнастерки.

– Ты что, отказываешься выполнять мой приказ? Разве тебе и всем вам не ясен приказ? Вы что, не знаете, что бывает с теми, кто отказывается выполнять приказы вышестоящих начальников?

Рука его скользнула по ремню. На миг, задержавшись около кобуры, расстегнула ее.

– Всем взять лопаты и быстро приступить к работам! – скомандовал он. – За невыполнение приказа – трибунал!

Красноармейцы взяли в руки лопаты и направились в указанную им точку. Александр, проводив их взглядом, пошел в сторону отдыхающих бойцов, вышедших из окружения. Они, не обращая на него внимания, лежали на траве и травили анекдоты.

– Встать! Кто старший группы? – спросил он одного из бойцов.

Тот нехотя поднялся с земли и со злостью посмотрел на него.

– Чего кричишь, сержант! Вон, лейтенант. Он у нас старший, – ответил он и указал в сторону дерева, в тени которого лежал человек.

Рядом с офицером стояли его сапоги и белели сохнувшие на солнце портянки. Тарасов подошел к офицеру и посмотрел на него. Тот явно не спал, но открывать глаза, по-видимому, не хотел. На его гимнастерке были черные петлицы инженерных войск.

– Товарищ лейтенант! Согласно приказу командира роты, ваша группа поступает в мое распоряжение. Поднимайте людей и следуйте за мной.

– Это куда, сержант? – недовольно спросил он Тарасова, открыв глаза.

– Я уже вам сказал, товарищ лейтенант, что ваша группа поступает в мое распоряжение. Что вам неясно?

Он нехотя поднялся с земли и, отряхнув с себя приставшие к гимнастерке и галифе сухие елочные иголки, отдал команду бойцам. Солдаты лениво встали с земли и последовали вслед за ним к опушке лесочка. Позади всех вразвалочку шел лейтенант, показывая всем своим видом, что он не намерен выполнять приказы какого-то неизвестного ему сержанта.

– Окопаться! – коротко приказал Тарасов и посмотрел на лейтенанта, который снова лег в тень кустов.

Солдаты стали медленно рыть окопы, отбрасывая землю в сторону от себя.

– Что так плохо копаете? – спросил он у них. – Что, копать разучились?

– А зачем копать, если завтра все равно побегим дальше, – ответил один из бойцов.

– Что за разговоры, товарищ боец? – строго спросил Тарасов. – Прекратите вести поразительные разговоры, а то я вас лично поставлю вот к этой сосне.

– А мне без разницы, товарищ сержант, вы меня убьете или убьют немцы, – ответил он. – Вот только я почему-то бегу от самой границы и все остановиться никак не могу.

– Вы что, не поняли моего приказа? – чувствуя, что начинает срываться, произнес Тарасов. – Вы что, под трибунал захотели? Ваша фамилия?

– Ивлев, – коротко ответил он.

– Товарищ лейтенант, проведите соответствующую работу с личным составом, а то я вынужден буду доложить об разговорах командиру роты, хоть мне и не хочется этого делать, – приказал Тарасов офицеру, чем вызвал у него недовольную гримасу.

– Хорошо, сержант, обязательно проведу. Только ты, сержант, извини меня, не выпрыгивай здесь из штанов. Тебе еще, по всей вероятности, не приходилось бегать от немцев, вот ты и ерепенишься. Вот когда они попрут на нас, мы и посмотрим, на что ты способен.

Чтобы как-то сгладить возникшую ситуацию, Тарасов отошел от них и направился к бойцам своего отделения, которые продолжали окапываться.

– Копать в полный рост! – приказал Тарасов, заметив, что его земляк Павел, выкопавший окоп до колен, сел отдыхать. – Романов! А тебя мой приказ не касается? А ну, встал, когда с тобой говорит старший по званию.

Романов бросил взгляд в сторону лейтенанта и нехотя поднялся с земли. Он плюнул на ладони своих больших и сильных рук и снова взялся за лопату. Кто-то из бойцов наломал в лесу веток и стал ими маскировать окопы. Через некоторое время зелень полностью скрыла их от посторонних глаз. Окопавшись, Тарасов побежал к ротному докладывать о готовности отделения к бою.

– Хорошо, Тарасов. Идите и получите у старшины патроны, гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Я уже отдал ему приказ об этом.

– Товарищ старший лейтенант! А бутылки зачем? Вы же сами сказали, что танки в нашу сторону не пойдут, там топь.

– Ты меньше разговаривай, Тарасов. Выполняй приказ.

– Есть выполнять приказ, – произнес Александр.

Он и несколько бойцов получили у старшины патроны, гранаты и несколько бутылок с зажигательной жидкостью.

Быстро раздав боеприпасы, он сел на дно окопа и, достав из кармана листок из школьной тетради и карандаш, начал писать письмо домой.

Тарасов долго думал, какими словами закончить письмо. Писать о том, что его отделению предстоит тяжелый бой, из которого вряд ли можно выйти живым, он не хотел. Он хорошо понимал, что подобное письмо не вызовет радости у жены, и поэтому закончил его словами, что их часть стоит далеко от фронта и здоровье у него хорошее. Закончив писать, он свернул письмо треугольником и написал на нем свой домашний адрес. Сунув треугольник в правый карман гимнастерки, он выглянул из окопа. Вокруг стояла девственная тишина. Легкий южный ветерок гнал теплую волну воздуха, наполненного ароматом разноцветья. Стояла середина августа, кругом все было еще зеленым, и лишь отдельными желтыми крапинами выделялись молоденькие березки, посеченные осколками.

Внезапно эту летнюю тишину нарушил нарастающий с запада гул танковых моторов. Звук то нарастал с каждой минутой, то затихал где-то вдаль. Тарасов окинул взглядом линию обороны своего отделения и посмотрел на небо. Глядя в это бездонное синее небо, можно было подумать, что нет никакой войны, нет забитых беженцами дорог и налетов немецкой авиации. Где-то в вышине, со стороны солнца, прошло звено немецких боевых машин.

«Пронесло», – решил Тарасов, провожая глазами немецкие самолеты. Но он ошибся. Где-то вдаль показались черные точки, которые буквально на глазах стали увеличиваться в своих размерах.

«Стоит черта вспомнить, а он тут, как тут», – со злостью подумал Тарасов.

– Воздух! – зычно выкрикнул он и повалился на дно окопа.

Самолеты шли довольно высоко и их, похоже, совсем не интересовала эта редкая цепочка стрелковых окопов, которая, словно прерывистая линия, окружала небольшую на их взгляд высотку. Самолеты летели нагло, без сопровождения истребителей, так как хорошо знали, что у Красной Армии нет возможности дать им хоть какой-то адекватный ответ. Самолеты пролетели мимо, даря многим солдатам еще один шанс пожить на этой земле. Где-то на востоке, куда улетели самолеты, раздался глухой гром, и все небо заволкло черным дымом.

– Вот, суки, опять, похоже, бомбят станцию, – произнес прыгнувший к нему в окоп Павел.

– А что им не бомбить? Небо чистое и ни одного нашего самолета, – с горечью в голосе произнес Тарасов. – Сейчас бы с десятков наших ястребков...

– Вот и я часто думаю, товарищ сержант, а где наши войска? Где те танки, самолеты, что нам показывали в кино? Ведь нам обещали, что мы будем бить врага на его территории малой кровью.

– Обещать, Романов, это еще не жениться, – отрезал Тарасов, так как ему не хотелось обсуждать эту тему, которая уже набила оскомину всем солдатам с самого начала войны.

– Кстати, Павел! Ты, почему здесь? Почему покинул свой окоп? – строго спросил его Александр. – Кто тебе дал команду покинуть огневую позицию?

Романов замялся, а затем протянул ему вчетверо сложенный листок бумаги.

– Вот, товарищ сержант, возьмите. Здесь мой адрес и записка домой. Если что, передайте, пожалуйста, матери. Кроме нее, у меня больше никого нет.

– Ты что, Павел? – удивленно произнес Тарасов. – Ты что умирать здесь собрался, что ли? Нет, брат, не возьму! Принципиально не возьму. Вот закончится бой, сам и отправишь письмо домой. Еще неясно, кто у нас сегодня выживет, ты или я? А может, и оба головы сложим на этой опушке.

– Все равно – возьмите. Если выживу, то вернете, а не выживу, отправьте домой.

Тарасов пристально посмотрел на него. Он хотел ему что-то сказать, но Павел уже полз в свой окоп, который находился в метрах десяти. Над головами обороняющихся высоту вновь проследовала волна немецких самолетов.

Над позициями батальона повисла тишина. До этого момента Тарасов еще ни разу не обращал внимания на то, что тишина может быть разной. В этот раз тишина была особо напряженной, и у него создалось мнение, что к этой внезапно возникшей тишине одновременно прислушивались тысячи людей с обеих сторон, многим из которых будет не суждено дожить сегодня до заката. Александр отчетливо услышал, как где-то недалеко от него затрещал в траве кузнечик.

«Надо же, трещит, кует свое счастье, словно и нет никакой войны», – подумал он, пытаюсь отыскать глазами этого беспокойного кузнечика.

Внезапно его обостренный слух вырвал из этой вечерней идиллии треск мотоциклетных моторов.

– А вот и они, – прошептал он.

Тарасов поднес к глазам бинокль и стал всматриваться вдаль, туда, где на закате солнца пряталась дорога, которую он и его товарищи по оружию должны были закрыть своими жизнями. Треск мотоциклетных двигателей все нарастал и нарастал. Внезапно он затих. Мотоциклисты вылетели из лесочка на дорогу и остановились. Из люльки выбрался офицер и стал рассматривать местность, не решаясь выехать на открытое пространство.

– Без моей команды не стрелять! – выкрикнул Тарасов и положил на бруствер окопа свой трофейный автомат и пару гранат.

Часть мотоциклистов, по команде офицера, не сбавляя скорости, понеслись в сторону высоты, ловко объезжая рытвины и ухабы. Неожиданно с высоты кто-то выстрелил. Этот выстрел подхватили десятки винтовок и автоматов. Немцы стали быстро разворачиваться на дороге, отвечая из пулеметов на огонь наших бойцов. Оставив на дороге три мотоцикла с убитыми и ранеными, мотоциклисты скрылись за изгибом дороги.

«Разведка! – подумал Тарасов. – Зря мужики начали стрелять раньше времени. Нужно было подпустить их немного ближе и всех уничтожить пулеметным огнем. Теперь немцы знают, что здесь на высоте находятся наши позиции, и попытаются уничтожить нас, чтобы свободно пройти по дороге».

Александр вжал голову в плечи и упал на дно окопа, услышав вой падающей мины. Несколько мин упали на позиции роты, и снова повисла тишина. Прошло несколько секунд, и немцы открыли массированный минометный огонь по высоте. Тарасов поднялся в окопе и посмотрел туда, где располагались позиции роты. Вся высота была покрыта огнем и дымом от рвавшихся вокруг нее мин.

Внезапно обстрел прекратился, стало тихо. Однако тишина продлилась недолго. На дороге появились три немецких танка и несколько бронетранспортеров, из которых стали выскакивать немецкие солдаты. По команде офицеров, они быстро развернулись в цепь. До них было метров пятьсот или чуть больше. Они медленно направились в сторону высоты, поливая ее ливнем пуль из автоматов и винтовок. Впереди цепи шли танки, которые иногда останавливались, чтобы произвести выстрелы из танковых пушек.

– Не стрелять! – снова приказал Тарасов бойцам. – Подпустим их поближе.

Александр всматривался в фигурки солдат, которые криво изгибались в полуденном мареве. Он постарался для себя определить, какими силами атакует их противник. На его взгляд, немцев было до полутора роты. Гитлеровцы шли с закатанными рукавами и, оперев в животы автоматы, водили ими в разные стороны, расстреливая ближайшие кусты. Один из танков въехал на деревянный мостик, который связывал два берега небольшой речки. Неожиданно

под его днищем возникла яркая вспышка, а затем раздался сильный взрыв, который разметал деревянное строение. Танк покосился, а затем повалился в воду. Прошло какое-то мгновение, и он полностью скрылся под водой. Оставшиеся два танка остановились перед мостом. Жерла их орудий стали искать цель, чтобы подавить ее своим огнем. Один из танков направился влево от моста, другой – вправо, пытаясь, по всей вероятности, нащупать брод через эту небольшую заболоченную речку. Танк, который обходил взорванный мост слева, завяз в болотистой пойме реки и остановился. Чем больше он предпринимал попыток вылезти из этой болотной жижи, тем глубже уходил в эту черную, как смола, воду. Наконец он заглушил свой двигатель. Из башни вылезли танкисты и, прикрываясь кустарником, исчезли где-то за поворотом дороги. Третий танк не стал рисковать и, развернувшись, направился в обратную сторону.

Пехота противника, лишившись танковой поддержки, сбавила темп. Теперь между ней и позициями роты было не более трехсот метров. Высота молчала, и это молчание, похоже, вселяло в гитлеровцев страх. По команде офицера, немцы бегом понеслись к нашим окопам. Что произошло дальше, трудно объяснить словами. Атакующая волна немцев, словно наткнулась на гранитный мол. Залп огня винтовок, автоматов и пулеметов смел первые ряды наступающих. Вторая немецкая волна, словно не заметив гибели первой цепи, неслась на позиции роты, пока не исчезла в дыму и огне разрывов гранат. Однако некоторым удалось ворваться в траншеи роты, и там началась настоящая мясорубка. Немцы, не выдержав этой схватки, стали по одному выскакивать из наших траншей. Они бежали назад по пристрелянному полю, неся большие потери. Потеряв десятки убитых и раненых, наступающая волна немецкой пехоты отхлынула с высоты и укрылась в небольшом лесочке. Когда немцы отошли, по высоте снова ударили минометы и тяжелая артиллерия, которую немцы успели подтянуть на этот участок дороги. Поняв, что в лоб высоту им не взять, они стали концентрировать свою пехоту за лесопосадкой, которая шла вдоль дороги. Снова над полем боя повисла тишина, разрываема лишь криками умирающих немецких и русских солдат.

Прикрываясь лесопосадкой, немцы стали быстро переправляться через речку вброд. Вскоре они снова пошли в атаку. В этот раз они двигались в сторону отделения Тарасова, стараясь обойти оборону роты с фланга.

– Приготовиться к бою! – отдал Тарасов команду. – Без моей команды не стрелять!

В этот раз они уже не шли в полный рост, а передвигались вперед короткими перебежками, стараясь под прикрытием кустов подобраться как можно ближе к позициям батальона. Когда до первой группы немцев осталось метров восемьдесят, Тарасов отдал команду. Огонь двух станковых пулеметов оказался столь неожиданным, что вызвал замешательство среди немцев. Пока они приходили в себя, отделению удалось уничтожить около двадцати гитлеровцев. Но этот огонь не смог остановить их. Они падали на землю, но вместо только что уничтоженной группы немецких солдат появлялись все новые и новые.

В какой-то момент Тарасов понял, что их огонь не в состоянии остановить атакующий порыв немецкой пехоты. Но вдруг немцы остановились и стали отходить назад.

«Что-то у них сломалось в этой отработанной до автоматизма машине», – подумал Александр, наблюдая за противником. За эти две недели, что он находился на фронте, Тарасов впервые увидел убегающих немцев, и радостная волна захлестнула его изнутри. Это чувство, похоже, испытывал не он один. Вдруг на вершине высоты появилась фигура лейтенанта Липатова. Он поднялся из окопа и, сжимая в руке наган, закричал:

– Вперед! За Родину! За Сталина! Вперед!

Вслед за ним бросились и другие бойцы. Они расстреливали в спины бегущих немцев, рубили им спины саперными лопатками. Неожиданно с фланга по атакующей группе ударил крупнокалиберный пулемет. Тарасов видел, как эта огненная струя косила наших бойцов, не оставляя им ни одного шанса на спасение. Вскоре вся поляна покрылась телами убитых немецких и наших солдат. Что произошло дальше, Тарасов уже не помнил, так как его накрыл взрыв

мины. Последнее, что он запомнил, была зеленая поляна, покрытая огненными столбами взрывов.

Павел Лабутин сидел за столом. Взяв в руки бутылку водки, он стал разливать ее в четыре граненых стакана. Стаканы были невымытые, но на это никто не обращал внимания. В последнее время Лабутин жил один в этом большом доме, когда-то принадлежавшем настоятелю монастыря, который впоследствии был арестован. Он впервые за последнее время собрал у себя бывших товарищей и сейчас угощал их водкой и закуской, которая вызывала у них определенное чувство зависти. Посмотрев на дно пустой бутылки, Павел нагнулся и поставил ее под стол, откуда снова извлек бутылку с водкой.

– Ну что, вздрогнем, кореша! – торжественно произнес он. – Вот и пришел наш час, о котором мы так долго и много мечтали. Не могу не сказать, что настало то время, братишки, когда красноперым стало не до нас. Сейчас у них свои «головняки», ловят всяких там диверсантов, выявляют врагов народа и их пособников. Поэтому кому, как не нам, радоваться этому. Вы сами все хорошо видите, что в город прибывает большое количество беженцев, у которых много золотишка и барахлишка.

Он улыбнулся, обнажив собравшимся товарищам вставленные железные зубы, чем вызвал у них улыбки.

– Думаю, что никто из вас не откажется немного пощекотать эту публику. Мы, братишки, сейчас должны быть все вместе, тогда нам будут по плечу большие дела.

Он снова улыбнулся. Они дружно чокнулись, молча, выпили и стали закусывать водку кусками свинины. Вытерев жирные от сала руки полотенцем, Павел достал из кармана пачку папирос и бросил ее на стол.

– Угощайтесь, братва, мне для вас ничего не жалко.

Все потянулись за папиросами. Вскоре белесый дым поплыл по комнате.

– Кучеряво живешь, Павлуша, – произнес один из присутствующих и улыбнулся. – Можно подумать, что клад нашел?

– А ты не завидуй, Свищ. Что, нравится без риска пить водку и вкусно жрать? Если бы у меня не было голодных братишек, как вы, так бы и жил всю жизнь. Но вы меня простите, пожалуйста, не могу я этого сделать, когда мои кореша голодают, вот поэтому я и пригласил вас, чтобы поделиться всем этим. А в отношении клада, все может быть, Свищ. Ты же знаешь, кем был старый хозяин этого дома. Да ладно, я без обиды. Ты и так мне помогаешь, чем можешь. Тебе и за это спасибо.

Он окинул всех взглядом и, широко разбросав по сторонам свои синие от татуировок руки, улыбнулся.

– Вы угощайтесь, братишки, соловья баснями не кормят. А пригласил я вас к себе для того, чтобы кое-что перетереть с вами. Есть вопросы по нашей с вами воровской жизни.

Все внимательно посмотрели на него, ожидая, что он скажет.

– Есть одно дело, которое позволит нам всем безбедно жить. Вы все знаете, какие сейчас самые ходовые товары в городе? Правильно, это – мыло, соль, спички и, конечно, спирт. А где все это взять? Конечно, золото и камни тоже ходовой товар, но менее прибыльный.

В комнате повисла тишина. Все мгновенно поняли намек Лабутина, так как хорошо знали, что все это есть у единственного собственника – государства. Неожиданно из-за стола поднялся мужчина небольшого роста и, надев на голову потрепанную кепку, направился к двери.

– Пекарь! Это ты куда подался? – с угрозой в голосе произнес Лабутин. – Стучать красноперым? Давай, давай, может, они тебе лишнюю пайку хлеба отвесят.

– Почему стучать? Я барабанщиком, ты знаешь, никогда не был. Это может подтвердить любой из сидящих здесь за столом. Мне просто не хочется заниматься тем, что предлагаешь ты. Сейчас война, и опера с нами не будут чикаться. Поставят к стенке, и от тебя лишь останется точка на побеленной мелом стене. Так что вы, братишки, давайте без меня, я еще жить хочу.

Из-за стола поднялся Свищ. Похоже, он что-то хотел сказать Пекарю, но ему не дал этого сделать Лабутин.

– Не рыпайся, Свищ, замри на время. У нас здесь не воровское толковище, поэтому каждый из нас имеет право высказать все, что хочет. Вот Пекарь не согласен с моим предложением и решил уйти. Я думаю, что он поступил правильно. Раз человек не хочет этого делать, насиловать его не нужно. Я его давно знаю. Мы с ним топтали зону в Воркуте, и он всегда был уважаемым сидельцем. Поэтому он имеет свою точку зрения, которую он нам и озвучил. Правильно я говорю?

– Ты прав, Павлуша. У каждого из нас своя жизнь, – произнес Пекарь.

Он развернулся и, хлопнув дверью, вышел из комнаты. Лабутин окинул взглядом оставшихся товарищей.

– Свищ, догони его. Я не хочу, чтобы этот человек ходил по земле, зная наши тайны. Сделай все тихо.

Тот кивнул головой и, накинув на себя пиджак, исчез за дверью.

Проценко был доволен встречей подручного со своими друзьями из преступного мира. Если сказать честно, то он не любил этих людей, считал их отбросами общества. Однако сейчас было не до этого. Все эти люди, о которых рассказывал ему Павел, представляли для него определенный оперативный интерес. Особо его заинтересовала информация Лабутина о человеке, который работал на пороховом заводе. Этим человеком был водитель директора предприятия Илья Шубин. Сегодня в полдень, он по просьбе Лабутина, должен был заехать к нему домой и отвезти на работу, на станцию Юдино. Эта встреча носила чисто ознакомительный характер. Проценко хотел посмотреть и прощупать этого человека, прежде чем дать команду Лабутину на его вербовку. Насколько он знал из рассказа Павла, этот человек несколько раз помогал ему в перевозке и хранении ворованных вещей.

Иван остановился посреди небольшой комнатки и направился к окну. Отодвинув в сторону занавеску, выглянул на улицу. Улица была пуста. Он невольно посмотрел на ходики, до назначенного времени оставалось еще пятнадцать минут. Вчера вечером при встрече Лабутин доложил ему, что он направлял Свища для проверок указанных Иваном адресов. Ни одна явка не была провалена. Эта информация очень обрадовала его, однако, несмотря на это, он ни на минуту не терял бдительности. За окном трижды просигналил клаксон автомобиля. Иван снова взглянул в окно. Около дома стояла «Эмка» черного цвета. Проценко быстро набросил на себя рабочую куртку железнодорожника и, закрыв за собой дверь, вышел на улицу.

– Шубин? – приветливо улыбаясь, спросил его Проценко.

– Угадали. Да вы садитесь в машину, я не хочу лишний раз здесь светиться. Меня здесь каждая собака знает.

Иван быстро сел, и машина, взревев мотором, тронулась с места и поехала в сторону станции Юдино.

– Давно за рулем? – как бы между прочим поинтересовался у него Проценко. – Я смотрю, ты неплохо водишь машину. Сразу видно мастера.

– Чуть больше десяти лет. Я еще возил прежнего директора завода.

– Значит, ты хорошо знаешь территорию предприятия?

Водитель не ответил. Он скосил глаза и посмотрел на сидящего рядом с ним мужчину. Иван улыбнулся, так как увидел, что Шубина насторожили его вопросы о предприятии.

– Ты что косишься на меня, Илюша? – произнес он дружелюбно. – Может, я хочу поступить к вам на работу? Смотри, смотри, может, прожжешь меня своим взглядом.

Он вовремя перехватил руку водителя, который хотел ударить его по голове гаечным ключом.

– Ты, парень, не шути со мной! Я таких шуток не люблю. Ты знаешь, что за это бывает? Надо было, паря, раньше думать, когда возил братков на кражи и прятал у себя ворованные вещи, а не сейчас. Может, тебе напомнить, гражданин Шубин, как ты помогал Лабутину перевозить краденые вещички? Ты не дергайся и не переживай, я тебя не буду заставлять возить краденое имущество. Сейчас за подобные действия могут дать очень большой срок или вообще расстрелять.

Машина резко свернула в сторону, затормозила и остановилась. Лицо Шубина было все в поту. Правая его рука потянулась к гаечному ключу, который он стал возить с собой в последнее время. Но тот, словно предвидя его реакцию на произнесенные им слова, приставил к его горлу финский нож.

– Вот что, фраер, сиди тихо и не рыпайся, а иначе я твое личико распишу вот этим ножом. Я не хирург, но владею им не хуже. Может, мне еще что-то напомнить из твоей биографии? А что? Может чекистам станет интересно, как сын белогвардейского офицера вдруг стал сыном зарубленного махновцами красноармейца? Ты думаешь, что ты один владеешь этой тайной? Нет, друг мой, я тоже это знаю.

Шубин сидел неподвижно. Страх за свою жизнь сковал каждую его клеточку, не давая возможности не то чтобы оказать какое-то сопротивление, но и думать. Это продолжалось недолго. Наконец он пришел в себя, дыхание его стало ровным. Он, словно затравленный зверь, посмотрел на Ивана.

– Что вам от меня нужно? Зачем я вам?

– Пока мне от тебя ничего не нужно. Так что, живи, Илья, и не волнуйся. То, о чем я рассказал тебе, знают всего два человека – ты и я. Ты, наверное, не хочешь, чтобы об этом знали все, в том числе и чекисты? Поверь мне, я тоже этого не хочу, поэтому больше не вынуждай меня доставать из кармана перо.

– Вы врете, если бы я вам не был нужен, то вы бы меня не прижимали к стенке.

– Пока мне нужно от тебя только послушание. И еще одно: чтобы ты от страха не натворил такого, от чего я тебя спасти уже не сумею. Надеюсь, ты меня понял?

– Я не самоубийца.

– Это уже хорошо. А сейчас давай, езжай дальше. Не идти же мне на работу пешком.

Шубин завел двигатель автомашины, и она, объезжая ямы, тронулась дальше.

Шубин гнал машину в Казань, размышляя о том, откуда этот незнакомый человек так много знает о его прошлом.

«Откуда он узнал об отце? – думал он. – Ладно, о краденых вещах ему мог рассказать и Лабутин, но об отце? Интересно, зачем я ему понадобился? Он явно не вор, хотя и пытается сделать так, чтобы я поверил в его воровское прошлое».

Остановив автомашину около правления завода, он быстро вбежал по мраморной лестнице на второй этаж. Войдя в приемную директора, он снял с головы кепку и сел на стул. Он налил себе полный стакан воды и залпом осушил его.

– Валя! Директор у себя? – поинтересовался он у миловидной молоденькой секретарши.

– Нет, он в райкоме партии, – прошебетала она. – Он просил передать, что ты ему сегодня не нужен. Завтра он ждет тебя в семь часов утра. Просил, чтобы ты не опаздывал.

«Вот и хорошо, – подумал Шубин. – У меня еще есть время заехать домой, а затем отвезти женщину за город».

– Илья, ты меня домой не отвезешь? – спросила его секретарь. – Может, покатаемся немного?

– Как-нибудь в другой раз, Валя, сегодня не могу. Занят я сегодня, да и машина что-то барахлит.

Валя надула свои пухлые губки и демонстративно отвернулась от него. Илья заехал домой, быстро поел и поехал по указанному ему адресу. Он подъехал вовремя. Из дома вышла красивая женщина с тяжелым желтым чемоданом и направилась к его машине.

– Шубин? – спросила она и, не дожидаясь ответа, открыла заднюю дверь машины и положила на сиденье чемодан.

– Куда? – тихо спросил он ее.

– В сторону Арска, – также тихо ответила ему женщина и, достав из кармана пальто зеркальце, стала подкрашивать губы.

«Сучка! – подумал Шубин. – Вот теперь и катай этих тварей. Эх, сдать бы их всех в НКВД, если бы была какая-то гарантия, что самого не поставят к стенке».

Он нажал на педаль газа, и машина, подпрыгивая на ухабах и ямах, помчалась вперед. Радиосеанс не занял много времени. Зоя быстро передала информацию о передвижении воинских составов с техникой через узловую станцию Юдино и, приняв в ответ шифровку от немцев, свернула рацию. Подняв тяжелый чемодан, она направилась к ожидавшей ее автомашине.

– В город, – приказала она водителю, – и если можно – быстрее.

– Хорошо, – выдал из себя Шубин и запустил двигатель своей автомашины.

«Эмка» резко затормозила и остановилась на одной из улиц города. Из машины вышла Зоя и, кокетливо помахав водителю ручкой, подняла большой желтый чемодан и направилась в сторону своего дома.

– Здравствуй, – поздоровался с ней Проценко, ожидавший ее недалеко от дома. – Сеанс состоялся?

– Да.

– Ты передала все, что я тебе приказал?

Она остановилась и, изобразив на своем лице улыбку, взяла его под руку. Иван подхватил чемодан, и они продолжили движение. Придя в квартиру, она протянула ему полученную от немцев шифровку. Он взял с полки небольшой томик Маяковского и, открыв его на нужной ему странице, стал быстро расшифровывать сообщение. Командование Абвера благодарило Проценко и его людей за ценные сведения о движении составов. Капитан Ганс Нойман сообщал о том, что Иван награжден бронзовым крестом за заслуги перед германским народом. В конце шифровки они интересовались, как идет подготовка к операции «Эшелон».

«Его бы сейчас сюда, я бы посмотрел, что бы он здесь делал. А то сидит где-нибудь в тылу, вкусно ест и вкусно пьет, да еще требует отчета, что я делаю», – со злостью подумал он.

Иван зажег спичку и, положив шифровку в пепельницу, поджег ее. Когда от нее остался лишь пепел, он размял его спичечным коробком и высыпал в мусорное ведро.

– Как Шубин? – поинтересовался он у Зои. – Не дергается?

– Дергается, – коротко бросила она и стала снимать платье. – Я тебе советую повязать его кровью, вот тогда он перестанет дергаться.

Иван повернулся и стал внимательно наблюдать за ней. Зоя села на край кровати, чтобы снять чулки. Ее тонкие ловкие пальчики быстро расстегнули резинки пояса, и она, взглянув на Проценко, легким движением рук сняла чулки со своих красивых и стройных ног. Иван не мог спокойно усидеть на стуле при виде такого красивого тела. Он встал и направился к Зое. Она поднялась с кровати и, увидев распаленное мужское лицо, неожиданно обняла Ивана за шею

и крепко впиалась своими яркими и сочными губами в его губы. Он уже давно не испытывал подобного чувства от близости с женщиной. У него закружилась голова, и он упал всем своим телом на кровать, подмяв под себя ее красивое точеное тело. Она тихо ойкнула и стала быстро расстегивать на нем рубашку. Иван крепко обнял ее, его левая рука скользнула по ее спине и остановилась в районе ягодиц. Зоя томно задышала. Охватившая ее страсть комком встала в горле, не давая дышать полной грудью. Ее рука стянула с шеи мужчины галстук, а затем стала расстегивать его поясной ремень. Вдруг они замерли, так как в дверь комнаты кто-то громко постучал. Проценко посмотрел на Зою, словно спрашивая у нее, кто это. Она толкнула его в грудь руками и, схватив со стула халат, быстро набросила его на обнаженные плечи. Иван тихо поднял с пола галстук, ремень и прошел на кухню. Он достал из кармана пиджака пистолет «ТТ» и передернул затвор.

– Кто там? – спросила Зоя, подойдя к двери.

– Зочка, это я. Неужели ты меня забыла? Это твой зайка, Борис Львович.

Она посмотрела на Проценко, который выглянул из кухни. В руке у него был пистолет.

– погоди, мой зайка, я сейчас оденусь и открою дверь.

Она метнулась от двери к кухне и, схватив Ивана за руку, потянула его в соседнюю комнату. Открыв платяной шкаф, она поцеловала Проценко в губы. Он осторожно раздвинул платя и увидел за ними дверь. Толкнув ее, он оказался в небольшом темном помещении. Нащупав рукой дверь, открыл ее и оказался на лестнице, которая вела на улицу.

Зоя впустила подполковника, который с букетом цветов и большим пакетом топтался около ее двери.

– Заходите, Борис Львович, – улыбаясь и поправляя сбившиеся волосы, произнесла она. – Прошу вас простить меня за беспорядок. Я только что собиралась убираться в квартире.

– Что вы, Зоя, я пришел не для того, чтобы проверять чистоту ваших комнат. Я пришел к вам с небольшим сюрпризом. Вот вам, Зочка, справка об освобождении от земляных работ. Вы – музыкант, и вам не подобает такими красивыми руками рыть окопы.

– Спасибо, зайка! Я так рада, так рада, что ты смог достать для меня это освобождение. А что это у тебя в пакете, Боря? Наверное, что-то очень вкусное.

Она взяла в руки пакет и стала вытаскивать из него продукты.

– Неужели, Боря, это все для меня? Ты просто факир! Чтобы я делала без тебя? Наверное, давно бы умерла от голода и непосильного труда.

Борис Львович хитро улыбнулся и, обняв за плечи, поцеловал ее в яркие губы.

Часть вторая

Тарасов очнулся от солнечного света, который бил ему прямо в глаза. Он долго пытался понять, где находится. В голове его, словно в калейдоскопе, крутились обрывки боя. Последнее, что он помнил, это была яркая вспышка взрыва перед его глазами.

Он слегка повернул голову в сторону и понял, что лежит на небольшой лесной полянке, сплошь усеянной воронками от взорвавшихся мин и снарядов и покрытой телами погибших красноармейцев и гитлеровцев. Гимнастерка на нем была мокрой от выпавшей утром росы. Волосы покрылись коркой спекшейся крови и земли. Недалеко от него, в метрах сорока, раздался одиночный винтовочный выстрел. Тарасов вздрогнул и повернул голову в сторону, откуда раздался выстрел. Он увидел двух человек, одетых в форму немецких солдат, которые медленно двигались по лужайке и выстрелами из винтовок добивали раненых красноармейцев. Один из них остановился и посмотрел в его сторону.

– В чем дело, Петро? – спросил его второй солдат. – Ты что застыл, как вкопанный?

– По-моему, вот тот, что лежит у березы, еще жив. Мне показалось, что он повернул голову в нашу сторону. Подойди, Иванко, посмотри, может, он и правда жив этот москаль.

Второй солдат посмотрел в сторону Тарасова и улыбнулся, показав своему приятелю красивые, белые, словно столовый фарфор, зубы.

– Не может быть, Петро! – произнес он. – Тебе просто показалось. Ты, наверное, очень боишься мертвых, вот тебе и кажется, что все они оживают после твоих выстрелов. Если сомневаешься, то подойди к нему сам и добей его. Ты только посмотри, да на нем живого места нет.

Петро передернул затвор винтовки и направился в сторону Тарасова.

«Вот и все, отжил ты свое, Тарасов», – успел подумать Александр и закрыл глаза, ожидая выстрела в упор.

Раздался сухой звук выстрела.

– Иванко, я, как всегда, оказался прав. Он действительно был еще живым, – крикнул Петро. – Чего только не увидишь на этой войне. Здесь, похоже, каждый второй еще живой!

«Почему они говорят на украинском языке или мне это кажется? Откуда здесь могли оказаться эти двое славян, одетых в немецкую форму», – подумал Тарасов, продолжая наблюдать за ними сквозь прикрытые веки. Он полностью открыл глаза, когда увидел спину солдата, который удалялся от него в другую сторону.

«Пронесло, – облегченно вздохнув, подумал он. – Слава тебе, Боже».

Дождавшись, когда эти двое сели на велосипеды и поехали по своим делам, Александр попытался подняться на ноги. Однако это удалось ему не сразу. На его ногах лежал уже закоченевший труп молодого солдата с оторванной рукой. Столкнув труп, он медленно поднялся на ноги. Сделав несколько неуверенных шагов, он снова присел на землю, так как затекшие ноги не хотели слушаться. Александр посмотрел на свою грудь. Вся гимнастерка была иссечена осколками и представляла собой какие-то непонятные полосы, пропитанные запекшейся кровью. Стащив с себя гимнастерку, он был удивлен, насчитав на своей груди три касательных осколочных ранения.

– Надо же! – невольно прошептали его губы. – Все касательные, и ни одного серьезного ранения.

Пошарив рукой в траве, он нащупал свой автомат, который лежал неподалеку. Вытащив из автомата магазин, он убедился, что тот полон патронов.

«Это хорошо, что есть оружие. Живым я им точно не дам», – решил он для себя. Он еще раз осмотрел поле боя и, подобрав несколько гранат, двинулся на восток. Услышав шум двигателей, он замедлил свое движение. Передвигаясь от дерева к дереву, он наткнулся на труп русского солдата. Красноармеец лежал в густой траве, широко раскинув свои большие руки. Александр нагнулся над ним и, несмотря на сильное головокружение, перевернул его на спину. Это был солдат из его отделения, фамилия которого, насколько он помнил, не то Ивашов, не то Ивлев, родом он был из города Буинск. Недалеко от него лежал вещевой мешок. Порывшись в нем, он нашел там чистую нателную рубашку. Сняв с себя окровавленные лохмотья, он надел ее на себя. Рукава рубашки оказались короткими, но другого выбора у него просто не было. Он невольно усмехнулся и, снова нагнувшись, стал стаскивать с мертвого тела и гимнастерку.

– Прости меня, Ивашев, или Ивлев. Сейчас тебе это уже не пригодится, а меня выручит, – шептал он, поглядывая на тело. – Захоронить бы тебя, но разве вас всех здесь похоронишь? Ты только посмотри, сколько здесь людей набили. Человек сто, если не больше, не считая убитых немцев.

Пройдя метров сорок, он наткнулся на кем-то брошенную, довольно новую, телогрейку.

«Не пропадать же добру, – решил он, – пригодится».

Тарасов остановился и прижался к дереву. Сквозь редкую поросль он увидел дорогу, по которой нескончаемым потоком двигалась немецкая техника. Танковые колонны чередовались с автомашинами, в которых, прижавшись, друг к другу, дремали немецкие солдаты.

«Да сколько же вас?» – с нескрываемым удивлением и страхом подумал он, наблюдая за немецкой колонной.

Машины шли и шли. Это был настоящий поток, похожий на русло большой реки, которая, смывая на своем пути все препятствия, текла в сторону востока. Постояв, еще пять – шесть минут, он понял, что здесь ему дорогу не перейти, и, повернувшись, направился обратно в сторону леса.

Тарасов шел лесом, стараясь избегать больших полян и открытых пространств, где он мог быть легко замечен немецкими солдатами, которые, как казалось Александру, были везде. Несмотря на проявляемую им осторожность, он несколько раз наткнулся на моторизованные разезды немцев, которые отлавливали рассеянные группы советских солдат и сгоняли их на сборочные пункты. Вот и сейчас, услышав громкие гортанные голоса немецких солдат, он быстро нырнул в густой орешник и затаился. Сквозь листву он увидел, как на тропинке показалась небольшая группа красноармейцев. Отдельные бойцы были ранены и кое-как передвигались. Сзади них, покачиваясь на велосипедных сиденьях, ехали три немца. Они иногда останавливались и ударами прикладов подгоняли пленных.

Александр хотел пропустить эту группу мимо себя, но что-то заставило его еще раз всмотреться в лица обреченно бредущих бойцов. Среди их он заметил своего земляка Романова, который замыкал эту группу пленных красноармейцев. Тщательно прицелившись в ехавшего сбоку от пленного немца, Тарасов плавно нажал на курок автомата. Короткая очередь буквально снесла с сиденья немца. Велосипед резко вильнул по тропинке и, ударившись в дерево, повалился в густую траву. Второй очередью он срезал автоматчика, который испуганно присел на корточки, пытаясь определить с какой стороны раздались выстрелы. Немец схватился за лицо и, громко вскрикнув, упал под ноги военнопленных. Третьего немца повалили и забили насмерть сами пленные красноармейцы.

– Саня! – закричал от радости Павел и бросился к нему. – Откуда ты тут взялся? Я же думал, что тебя накрыла мина!

Тарасов отстранил его от себя и посмотрел на растерянные и радостные лица красноармейцев.

– Быстро забрать оружие и в лес, – громко скомандовал он. – Давай быстрее, Павел, потом обниматься будем!

Пленные, похватав оружие убитых немцев, бросились вслед за Александром в лес. Углубившись в чащу километра на три, они повалились на землю.

– Офицеры среди вас есть? – обратился Тарасов к бывшим военнопленным.

– Нет! – выкрикнул один из бойцов, в грязной нательной рубашке. – Ни офицеров, ни коммунистов.

Александр поднялся с земли и, поправив на себе гимнастерку, подошел к бойцу, который отвечал на его вопрос.

– Номер части, звание? – спросил он его.

Он почему-то сразу понял, что этот человек врет. В отличие от всех солдат, он один не был пострижен под ноль.

– Почему вы скрываете свое воинское звание? И еще, почему на вас чужая форма, товарищ командир?

Военнослужащий медленно встал с земли и, окинув взглядом сидевших рядом с ним красноармейцев, с вызовом произнес:

– А ты кто такой, чтобы я перед тобой отчитывался? Может, командир полка или дивизии?

Он снова посмотрел на бойцов. Те по-прежнему сидели на земле и внимательно следили за возникшим конфликтом между этими людьми.

– Я – сержант, командир отделения, – твердо выговаривая каждое слово, произнес Тарасов. – Это я вас освободил из плена, а не вы меня, и поэтому потрудитесь ответить на мои вопросы.

Неожиданно для всех неизвестный схватил с земли лежавший автомат и направил его на Тарасова. Он передернул затвор и стал медленно пятиться назад.

– Ты здесь не командуй, сержант! Мы насмотрелись на таких, как ты, командиров. Нет больше Красной Армии! Ты слышишь меня, сержант, нет той армии, про которую складывали песни! Была, да сплыла! Ты видел, что творится вокруг нас, кругом одни немцы. Они говорят, что уже взяли Минск, Могилев, Винницу, Ровно, и у меня нет оснований им не верить! Я, в отличие от тебя и этих людей, хочу жить! Жить, и мне все равно, кто будет управлять моим государством, русские или немцы!

– Ах ты, сука продажная! – задыхаясь от возмущения, произнес один из бойцов. – Тебя только за то, что ты снял с себя офицерские петлицы, нужно ставить к стенке!

Боец хотел подняться с земли, но незнакомец навел на него автомат и тем самым заставил его снова сесть на землю.

– Ну что сидите, как овцы! Может, еще не навоевались? – выкрикнул он и повернул в их сторону автомат. – Кто больше не хочет воевать, вставай с земли. Пусть они идут своей дорогой, а мы – своей!

С земли поднялись двое красноармейцев и молча, встали за его спиной.

– Вот что, сержант! Вы идете своей дорогой, а мы своей. Если нас еще раз сведет судьба, я просто убью тебя. Понял?

Пятясь, они медленно вошли в кустарник. Через мгновение до Тарасова донесся шум ломающихся веток и удаляющийся топот ног. Тарасов, держа автомат наизготовку, раздвинул густые ветки орешника. На земле валялся брошенный незнакомцем автомат. Он поднял его и отдал Павлу.

– Может, еще кто-то из вас не хочет воевать? – с угрозой в голосе спросил Тарасов. – Предупреждаю, что лично сам расстреляю любого, кто бросит оружие. Запомните, за поразительные разговоры – расстрел на месте. А теперь всем встать в строй!

Красноармейцы поднялись с земли и выстроились в одну шеренгу.

– По порядку рассчитайся, – громко скомандовал он.

– Тринадцатый! – выкрикнул последний боец. – Расчет закончен.

Тарасов обошел строй, внимательно глядя в лица стоявших перед ним солдат.

– Вот что, бойцы! Я, сержант Тарасов, принимаю на себя командование нашим подразделением. Задача подразделения – соединиться с частями действующей армии. Задача ясна?

Строй замер в молчании.

– Выходит, всем все ясно. А сейчас направо, шагом марш.

Строй четко выполнил его команду, и отряд двинулся на восток.

Отряд шел лесом на расстоянии не более километра от дороги, по которой, словно лавина, сошедшая с гор, двигались немецкие войска. Их было настолько много, что иногда Тарасову казалось, что никто в этом мире не в состоянии остановить эту механизированную и вооруженную до зубов армию. Бойцы шли, молча, обходя немецкие разьезды и гарнизоны.

– Товарищ сержант, – обратился к Тарасову молоденький солдат, лицо которого было усыпано веснушками.

– Что тебе нужно? – спросил он его.

– Товарищ сержант! Мы четвертый день без пищи, может, стоит зайти куда-нибудь и попросить хлеба? Здесь в лесу, наверняка, кто-то живет на хуторах. Это же Украина, и мне рассказывал мой сослуживец, что многие украинцы живут на хуторах.

– Куда зайти, боец? Какие еще хутора? Не видишь – кругом одни немцы. А если напоремся на них, чем будем обороняться? Да они нас всех здесь положат. Ты забыл, наверное, что нас с тобой там никто не ждет. Лучше быть голодным, но живым, чем сытым, но мертвым.

– Я не согласен с вами, товарищ сержант. Какая разница – умереть от пули или протянуть здесь ноги от голода?

Он отошел от Тарасова и что-то сказал другим бойцам, которые, по всей вероятности, и направили его к нему.

– Командир! – тихо произнес Павел, нагнав его. – Люди голодные и очень устали. Неужели ты сам не видишь, что они еле плетутся? Если не можешь их накормить, хоть дай им возможность немного отдохнуть.

Тарасов искоса посмотрел на Павла и негромко скомандовал:

– Привал! Всем отдыхать! Романов, возьми автомат и в боевое охранение. Смотри, не засни. Не посмотрю, что ты мой земляк, расстреляю на месте.

Павел со злостью посмотрел на него и, взяв автомат из рук бойца, направился в охранение. Уставшие и измученные голодом бойцы быстро заснули. Тарасов лежал под сосной и смотрел в потемневшее небо. Приближался вечер. Где-то на востоке, по-прежнему не смолкая, гудела канонада, вселяя какую-то, хоть и призрачную, но надежду, что им удастся догнать отступающие части регулярной армии. Подул легкий прохладный ветерок. Александр закрыл глаза и незаметно для себя заснул. Спал он чутко и поэтому, услышав чей-то шепот, доносившийся до него со стороны кустов, открыл глаза. Он не сразу заметил в темноте группу бойцов, которые, собравшись в кучку, о чем-то тихо шептались. Среди них он увидел Павла, который шептался с одним из бойцов. Кто был этот боец, он в темноте не рассмотрел. Павел испуганно вздрогнул, когда заметил, что за ним наблюдает Тарасов. Он мгновенно исчез в темноте.

«Неужели показалось? – подумал он. – Не может быть, но я отчетливо видел Павла, который должен быть в боевом охранении. Неужели он без команды оставил свой пост?»

Александр, стараясь не шуметь, поднялся на ноги и, взяв автомат наизготовку, направился в ту сторону, где, по его соображениям, должен был находиться Павел. Однако, обшарив все кусты, он его не нашел.

«Неужели сбежал? Ну, сука, ты Романов, если встретимся еще, точно убью», – первое, о чем подумал он. Он быстро вернулся на место ночевки и стал будить своих бойцов.

– Подъем! Вставайте, уходим, – расталкивая их, выкрикивал он.

– Что случилось? Куда уходим? – не понимая его команды, шептали в ответ солдаты. Когда все построились, выяснилось, что вместе с Павлом исчезли еще два солдата, одним из которых был как раз тот, кто говорил с ним о еде. Тарасов махнул рукой, и группа, стараясь не шуметь, медленно двинулась вглубь леса. Впервые за все эти дни Александр вдруг понял, что ему ужасно хочется есть.

«Надо где-то разыскать пищу. Уставшие и голодные люди не готовы к длительному переходу», – подумал он.

На востоке, куда они двигались, небо сначала посерело, а затем окрасилось в золотистый цвет. Лес постепенно просыпался от ночной дремоты. Кое-где запели птицы, вселяя в людей определенную надежду на соединение с нашими войсками.

Вскоре отряд вышел на небольшую лесную дорогу, на которой отчетливо были видны следы подводы. Мельком взглянув на усталые лица своих подчиненных, Тарасов повел их по этому следу, надеясь, что он приведет их к жилью. Лес становился все реже и реже. Наконец

перед ними раскинулось широкое поле с неубранной рожью. Александр остановился и знаком руки приказал бойцам залечь. Пересекать открытое поле днем было довольно опасно. Некоторые бойцы поползли в поле и стали быстро рвать колосья созревшей ржи. Общими усилиями собрали три котелка зерна. Теперь главной задачей было каким-то образом сварить это зерно и накормить солдат. По его приказу, группа снова углубилась в лес и, найдя небольшую полянку, разбила привал.

– Товарищ сержант! Посмотрите, что я нашел! – обратился к нему один из солдат.

Тарасов нехотя поднялся с земли и последовал за солдатом. Среди молоденьких березок, срезанных пулями, стояла лошадь, запряженная в телегу. Лошадь мирно пощипывала траву. Недалеко от телеги лежал труп мужчины, а чуть дальше – труп женщины.

– Осмотрите вещи, а мужчину и женщину похороните, – приказал он бойцу.

Среди мешков, лежавших в телеге, бойцы нашли несколько буханок хлеба, мешок прошлогодней картошки, небольшой мешочек с пшеном и несколько кусков свиного сала.

Александр приказал бойцам похоронить убитых. Выкопав одну яму, бойцы осторожно положили в нее трупы мужчины и женщины. Закончив эту траурную процедуру, красноармейцы стали готовить обед. Тарасов сидел около телеги, когда услышал голос бойца, который находился в боевом охранении.

– Стой! Кто идет? Стой или я буду стрелять!

– Я тебе сейчас стрельну, – послышался Тарасову знакомый голос Романова. – Я тебе сейчас покажу, как стрелять в своих товарищей! А ну убери винтарь в сторону, а то и действительно от страха пульнешь.

Из-за кустов вышел Павел с группой бойцов и, улыбаясь, направился к Тарасову.

– Саня! Я вот здесь кое-что раздобыл из еды. Кроме этого, привел еще шестерых бойцов из нашего полка. Так что встречай команду!

– Боец Романов! Во-первых, я вам не Саня, а товарищ сержант. Это раз! Во-вторых, вы знаете, что бывает с бойцом, самовольно оставившим пост во время войны? Его расстреливают на месте без суда и следствия. Я смотрю, вы ничего не поняли после расстрела Сергеева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.